

ЕВГЕНИЙ КАЛБА

НА
ЗУЛОТОМ
5 КРЫЛЬЦЕ

18+

Евгений Капба

На золотом крыльце - 5

<https://litres.ru/73761569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тайна происхождения Миши Титова разгадана, отец нашелся, мать - тоже, но... Почему-то не потекли молочные реки с кисельными берегами, и жизнь совсем не стала проще. Миша не из тех, кто прогибается под обстоятельства, но если вместо учебы в колледже, решения жилищного вопроса, романтических прогулок с девушкой и чтения любимых книжечек внезапно начинает маячить перспектива решения государственных проблем, распутывания дворцовых интриг и предотвращения династических кризисов - здесь кто угодно задумается о смысле жизни и бренности бытия!

Примечания автора:

Автор обложки Миродар Госс

Содержание

Глава 1. Снова в школу	4
Глава 2. Борщ из старого петуха	19
Глава 3. Жилищный вопрос	33
Глава 4. Апперкот	48
Глава 5. На экскурсию	63
Глава 6. Александровская Слобода	77
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Евгений Капба

На золотом крыльце - 5

Глава 1. Снова в школу

У взрослого человека в организме содержится пять-шесть литров крови, по венам циркулирует примерно 60-70% от общего объема, то есть, грубо говоря – три с половиной литра. За один раз обычный, цивилизный человек в качестве донора может сдать что-то около 50-80 грамм крови на 10 килограмм живого веса. В земских больницах желающих стать донорами приглашают в пункт переливания крови раз в два месяца, после пятой донации необходимо сделать перерыв не менее девяноста дней.

Я весил примерно восемьдесят пять килограммов – сложно сказать точнее после всей той дичи, что творилась на негаторной практике. Но в любом случае около шестисот грамм из меня нацедить за одну процедуру было вполне реально. И никакого перерыва в шестьдесят дней я делать не собирался, конечно. Я ведь не цивилизный обыватель, в конце концов! Есть такая волшебная штука – зелье регенерации, кроме того, мне вполне по средствам усиленное питание: говядина, гранатовый сок, гречка, яблочки, вино, грецкие орехи, шпинат и все такое прочее, кривотворное. Пять дней, чтобы флёр

от эликсира рассосался – и можно сдавать следующую порцию. Главное – хорошо спать и кушать.

Отчего спешка? Для мамы я был идеальным донором, вот и все.

Карлайл заразил ее, да, но отец очень быстро погрузил маму в стазис – яд содержался в крови, в сосудах, но не поразил весь организм. Если заменить ей всю циркулирующую кровь одновременно и ввести сыворотку, изготовленную индивидуально на основе генетического материала носферату – то вероятность выздоровления будет крайне велика. Тут даже не выздоровление скорее, а экстракция заразы. Мама-то в упыря не обернулась благодаря тому, что Федор Иванович сработал оперативно и выбрал единственно верный вариант действий.

Сам принцип излечения от вампиризма, ну, или снятия проклятья гематофагии при помощи крови заразившего жертву упыря был известен и ранее, например, в восемнадцатом веке о нем Огюстен Кальме писал в своем трактате «О явлениях духов и о вампирах или оживших мертвецах в Венгрии, Моравии и т.д.» Эту книжку я еще в детстве на Лукоморье видал, у деда Кости была специфическая библиотека. Но у нас на дворе – не восемнадцатый век, вся передовая опричная наука к услугам его высочества, так что я был уверен: сыворотку сделают быстро и качественно. Где нужно – техника и фармакология подхватят эстафету у магии, и все получится.

У меня в голове еще не устаканилось понимание того, что младший цесаревич – мой отец, потому я в мыслях звал его по-всякому. Высочеством, Федором Иоанновичем, папашей, «Федей» и Поликлиниковым. А в лицо – никак не звал. По большому счету, он просто объяснил мне диспозицию с маминым лечением, показал фото, где она лежит в ванне с черной жидкостью – наверняка на основе мертвой и живой воды – и спросил, что я думаю по этому поводу.

– Буду сдавать кровь, – сказал тогда я. Ну а какие еще были варианты? – А вы пока делайте эту самую сыворотку. Если нужно организовать доступ к организму Карлайла – мы с Элькой организуем, хоть прямо сейчас!

– Справимся сами, – серьезно кивнул Федор Иванович. Мне понравилась эта серьезность – он воспринимал нас не как вздорных детей, а как доказавших свою компетентность настоящих магов! – Значит, так: забор крови – каждые пять дней, в медблоке колледжа. У Боткиной хватит квалификации сохранить материал в состоянии, которое нам необходимо. Не части, не изматывай себя, это ни к чему. И вот что...

– ...я не дурак, мне очевидные вещи объяснять не надо. – Я сунул руки в карманы. – Я был и останусь Титовым. И Эля никому ничего не расскажет.

– Мог бы назваться Рюриковичем, – пожал он плечами, глядя на меня с одобрением. – Имеешь право.

– Титов – менее претенциозно, – откликнулся я. – Я думаю – потому и не Смарагдов? Хорошо, что не Смарагдов.

– Хм... – Было видно, что отцу этот разговор по душе. – Мне показалось неправильным давать тебе фамилию Поликлиников – все-таки это дурацкая шутка, понятная очень немногим, да и звучит нелепо. А Смарагдов – очевидный официальный псевдоним. Бриллиантов, Изумрудов, Смарагдов – не годится, верно. А когда ты понял, почему – Титов?

– Сразу, как только узнал, кто я такой на самом деле. Тит-Смарагд-Иоанн – полное имя нашего державного предка, я об этом читал.

– Читал, ну-ну... – кивнул он, пряча улыбку. – Когда все будет готово к лечению – я заберу тебя. Ты имеешь право присутствовать, когда Даша... мама... очнется.

– Ей будет тяжело, – пришло мне в голову. – Хорошо бы, чтобы она видела вокруг себя знакомых, привычные лица. Муж, постаревший лет на пятнадцать, взрослый сын, который пешком под стол ходил – так себе обстановочка для пробуждения после ужасного стресса, а?

Цесаревич ухватил себя за бороду, растерянно запустил руки в волосы...

– Ты думаешь? Нет, ну, резон есть... Омоложение? Ведь столько лет прошло... И Ремезовых пригласить, и их поправить... Да-да-да... – Он хлопнул меня по плечу и тут же отдернул руку, как будто застеснявшись своего порыва. – Если еще что-то хочешь спросить – спрашивай. Время не ждет. Работы много!

– Меня уже не надо отдавать упырю? – вот что меня ин-

тересовало.

– Зачем? Он же не правоспособен! – удивился отец, а потом кивнул своим мыслям: – А, точно... Ты сумел сделать с ним ЭТО, но не можешь понять, что именно... Если в двух словах: с головой у него теперь все очень-очень плохо.

Вообще-то я точно знал: если внутри ментала запихать кому-то в пасть целый том Большой Российской энциклопедии на букву «Г» – это не останется без последствий. В конце концов, когда я внутри чужих библиотек книжечки местами переставлял, порядок наводил, надписи писал и стихи читал – это прямо сильно влияло. А тут – энциклопедией накормить! Просто упырь – это ведь упырь! Я понятия не имею, что в голове у Карлайла творится, как кровососы на такие экзекуции реагируют! И произошло все это внутри моей, а не его библиотеки...

– Он поехал, – вдруг сказал цесаревич как-то очень попростому. – Кукухой. Все, фляга свистнула, и обратной дороги для него нет. Если искать аналогии со сложившейся ситуацией, то описать ее можно так: к примеру, я был должен кому-то пулемет, но этот кто-то манифестировался как шизофреник. И я тут совершенно ни при чем, так сложилось без моего прямого участия. Ни один суд – гражданский, военный, магический, церковный – не обяжет меня вручить откровенному психу пулемет! Это противоречит нашему законодательству, мировым правовым обычаям и здравому смыслу! Можно отдать долг ближайшим родственникам или

душеприказчику, но Авалон от него отказался, в лице самого пресветлого величества, так что обойдутся эльдары без моего сына. Великий телекинетик – это куда почище пулемета будет! А в качестве компенсации я позабочусь о том, чьим должником являюсь. Обеспечу ему до-о-о-олгую жизнь, насыщенную любопытными ощущениями!

Улыбка Федора Ивановича стала очень нехорошей, у меня аж мороз по коже прошел тогда. Аргументация была сомнительной, на мой взгляд, но кто я такой, чтобы спорить? В конце концов – это не я должник упыря, а цесаревич, пусть он и разбирается... В общем, на том мы тогда разговор окончили, скомканно попрощавшись. Я понимал – он хочет скорее начать лечение мамы, да и вообще – работает Триумвиром! Страшно подумать: вице-царь фактически. Один из трех.

Вспоминал я все это в медблоке колледжа, с катетером в вене, и теперь холодок по спине у меня тоже бегал, и голова кружилась. Но такое было и в первый раз, когда у меня взяли шестьсот граммов крови. Сейчас, едва я сел, как симптомы кровопотери дали себя знать. Я крепче ухватился руками за стену и край кушетки и сохранил равновесие.

– Я бы ограничилась тремястами миллилитрами. – Боткина хмурилась. – Не понимаю, откуда возникла такая спешка...

– Я – идеальный донор для одного очень-очень хорошего и важного для меня человека. – Слова давались мне нелегко, голова была ватной. – И я бы очень хотел, чтобы... Ну не

могу я ждать, понимаете? Только с моей помощью человека можно из комы вывести! А для этого нужно заменить ей всю кровь.

– Ладно, – вздохнула Боткина. – Давай помогу тебе выйти, там тебя уже твои дожидаются. И зелье выпей.

Зелье я выпил. От него щипало в носу и глаза слезились, так что когда я вышел из медблока – сразу лица Тинголова и Бёземюллера не различил, но их голоса слышал даже чересчур отчетливо, могли бы так и не орать.

– Посмотри на него, Руа, какой бледный! Краше в гроб кладут! Айн лебендер тотер! – практически взвалил меня на плечо Ави.

– Вылитый Кощей! – подтвердил эльф, и они потащили меня в столовку.

А я не знал – плакать мне или смеяться. Я-то знал, как именно выглядит Кощей, и на меня он похож не был от слова совсем!

***

С одной стороны – сидеть на лекциях и заниматься начерталкой и алхимией после всего пережитого казалось слегка туповатым. С другой стороны, за эти две недели я прекрасно осознал свой уровень. Дед Костя, Воронцов, Вишневецкий, Бабай, Пепеляев, владычица Эссириэ и Ядвига Сигизмундовна, да и отец, в конце концов – вот они были титанами. А я так – сопля паршивая типа того же Кузеньки. Просто у Кузеньки – камера, и ею он пользуется виртуозно и в пиар

шарит, а у меня – магический дар, и им я могу только, как деревенский дурачок дубиной, размахивать.

По сути, единственное нормальное мое выступление состоялось, когда мы с Элькой закатали Карлайла в металлическое яйцо. Это было четко сработано! Остальное – так, метания и дичь. Обезьяна с гранатой – вот кем я являлся. Потому – учиться нужно было старательно, а еще – много читать и слушать, чего умные люди говорят. И ни в коем случае не лезть во всю эту высокую политику.

Ага, как же. Не влезешь тут, когда о ней все вокруг только и треплются!

– ...Таким образом, невиданный за последние тридцать лет размах феодальных междоусобиц, который мы сейчас наблюдаем, имеет под собой вполне четкие основания. – Иван Ярославович Кузевич, наш историк, продемонстрировал нам указательный палец, символизирующий цифру 1: – Первое: право абсолютного вето на любые юридические акты и право моратория на внутренние военные конфликты есть только у Государя. Государь до сих пор не пришел в себя, правит Триумвират – и в целом неплохо справляется, но... Но есть вторая причина: кланы задыхаются. Они заперты в юридиках и не имеют права посягать на земские территории. Варианты экспансии ограничены: выморочные земли, заграничные походы или отвоеванные у Хтони участки. Балканские войны аристократам ожидаемых выгод не принесли: на месте Федерации образовалось несколько дружественных

нам государств, аннексию которых Государь счел неуместной. Остается Средняя Азия – с ее поясом Аномалий, а еще – Дальний Восток и Аляска. Сами понимаете...

Элька под партой стянула туфли и теперь трогала мою коленку ногой. Ей было весело, и вообще – она сильно радовалась, что мой зловещий отец отпустил меня обратно в колледж. Она так и говорила: «твой зловещий родитель», чтобы не произносить имя цесаревича всуе. Почему именно «зловещий», объяснять отказывалась, но звучало действительно смешно и подходяще. Мы с ней не возвращались к теме моего происхождения и возможного совместного будущего, оставили все как есть – и это устраивало нас обоих. В конце концов – разберемся!

– Кантемирова! – нахмурился Иван Ярославович. – Что вы там хихикаете? Хотите продолжить за меня? Ваш товарищ – Бёземюллер – задал мне провокационный вопрос, с целью, похоже, сорвать тест по феодальным конфликтам на территории Государства Российского в конце двадцатого века...

Авигдор возмущенно запыхтел, делая вид, что протестует, хотя на самом деле так всё и было. А Кантемирова вскочила, потряхнула кудрями и с самым серьезным видом начала излагать:

– Простите, Иван Ярославович, что я отвлеклась. Но я все слушала! Вы про корпорации еще не сказали, это наверняка будет третья причина. Например, «Григорович» или «Яблоч-

ков» уже давно сравнивались по могуществу с крупными кланами и имеют в сервитутах очень большое влияние... «Метелица», «Илона» и «Сезам» тоже наступают на пятки аристократам. Говорят, некоторые из бедных дворян являются их клиентами и предоставляют корпорантам свои гербы и юридики в качестве прикрытия...

– Садитесь, Кантемирова, – сказал Кузевич. – Обычно девушки в гораздо меньшей степени интересуются политикой, но... Каждый из вас – маг, и все вы будете вовлечены в эти игрища, раньше или позже. Никому не удастся остаться в стороне, увь... Поэтому я могу только поприветствовать вашу осведомленность, это поможет вам сделать верный выбор.

Мы с Элькой переглянулись. Что у меня, что у нее выбора особенного не было. Точно так же, как Карлайлу было плевать, что я никогда не имел дела с Грозными, так и врагам Ермоловых будет феерически пофиг на то, что она – Кантемирова. Если, конечно, мы не поженимся и она не возьмет мою фамилию.

Я аж подзавис от этой мысли.

– И что же – после того, как мы выйдем из колледжа, я и, например, Басманов и Кочубей с Адашевым будем вынуждены убивать друг друга? – спросил Макс Серебряный. – Плевал я...

Кузевич только грустно улыбнулся:

– На самом деле выбор у вас один: или стать государевым

человеком, уйти в опричнину, или – работать на благо родного клана. Перебежчиков нигде не любят. Так что да, возможно, вам придется убивать друг друга... Но! Это вовсе не значит, что вы должны превратиться в скотину, Серебряный. Только вы определяете, как себя вести в каждой конкретной ситуации, помните это... А еще помните: нынешняя наша ситуация уникальна тем, что у нас есть Государь, но он по объективным причинам своих обязанностей исполнять не может! Если бы он был в добром здоровье и твердой памяти, то, как это было не раз – остановил бы усобицу после месяца боев и назначил бы арбитраж. Но сейчас, несмотря на то, что Триумvirат сосредоточил в своих руках всю полноту власти, покуситься на то, что происходит внутри юридик, царевичи не могут. Иначе они настроят против себя всю аристократию...

– А почему бы не... – подала голос Наталья Воротынская и тут же замолчала, как будто испугавшись своей мысли, а потом изменила реплику так, чтобы она прозвучала как вопрос: – Скажите, а бывало, чтобы Государь уходил с престола добровольно или – по болезни?

– Иван Четвертый удалился в Александровскую слободу в 1575 году и отрекся от престола в пользу Симеона-Булата, – ответил Иван Ярославович. – Это самый известный случай. Правда, он потом вернулся по многочисленным просьбам аристократии и народа. Еще был Федор Третий – он передал власть своему единственному сыну и постригся в мо-

нахи. И нет, я не думаю, чтобы царевичи отстранили отца от власти из-за того, что он находится в несознательном состоянии.

– А почему? – спросила Воротынская, широко раскрыв глаза.

– Потому, Наталья, что мы на своем веку можем наблюдать удивительное политическое явление, какого Твердь не наблюдала пару сотен лет, не меньше: царственные братья дружны между собой и не имеют ни малейшего желания воевать друг с другом за престол! – отчеканил Кузевич. – А теперь берем в руки планшеты, открываем раздел «Тесты», находим тему «Феодальные усобицы»...

– Но десять минут до звонка-а-а-а-а! – взвыли студенты.

– Ничего-ничего. Я накину всем по баллу, – утешил нас молодой преподаватель. – Каникулы завершились неделю назад, пора заканчивать с раскачкой и включаться в работу!

Решать тест было странно, учитывая тот факт, что основными действующими лицами кровавых событий конца восьмидесятых – начала девяностых годов двадцатого века были деды и отцы тех, с кем я учился.

Коалиция Серебряных и Вяземских (Свет и Огонь) тогда враждовала с альянсом Демидовых (Земля) и Воротынских (Вода). Пожарские по старой памяти резались с Морозовыми, а Ермоловы в очередной раз схлестнулись с Ород-Равом, пытаясь потеснить сибирских лаэгрим. И это я только навскидку, ориентируясь на фамилии однокурсников, перечис-

лил, замятня тридцать лет назад шла страшная, аристократы рубились повсюду – от Белостока до Владивостока! До двадцати войн за десять лет! А потом наш Государь вошел в силу и бардак прекратил. Нашел куда направить силушку богатырскую своих буйных вассалов...

Эти – воевали, а в земщине в то же время бушевали страшные дефициты, выдавали по килограмму сахара в одних руки, вонючая, с желтизной, скумбрия считалась деликатесом, веерные отключения электроэнергии были в порядке вещей, а зарплату заводчанам выдавали продукцией завода. Например – радиаторами. Или подшипниками.

А в сервитутах шла своя война всех против всех: банды, группировки и корпорации просто пилили имущество, денежные потоки и рынки сбыта, не глядя на попутные жертвы. Прямо скажем: богохранимое Отечество представляло собой тогда зловонную клоаку. Я этого не видел, я родился гораздо позже... Читал – много, это да. У деда Кости имелись подшивки прессы, и волосы дыбом вставали от этих газетных колонок, напечатанных убористым шрифтом на дрянной бумаге... Но Рус – он пережил нечто подобное. У них там, на Земле, тоже все было плохо в это время, пока человек, который взял власть, не стал действовать решительно и беспощадно. Королев помнил и эту чертову скумбрию, и макароны на завтрак, обед и ужин...

– Ты чего? – спросила Эля, когда мы вышли в коридор. – Не хмурься, смотреть страшно! Нормально зарешал все?

– Норма-а-ально, – откликнулся я и приобнял ее за талию.

– Что у нас теперь?

– Алхимия! – сказала она, заглянув в расписание. – Лабораторная. Будем снова мучить алкагест. Вот же глупости, а? Ну невозможно его создать в товарных количествах, это уже научно и магнаучно доказано! И в чем тогда смысл? Парацельс придумал, Бонавентура добыл пару капель, а нам теперь мучайся!

У меня в кармане завибрировал телефон, я достал его и глянул на экран.

– Ого! – сказал я.

– Что значит – «ого»?

– Для меня посылка от Ива́нова! Сигурд Эрикович пишет, мол, ему с курьером привезли.

– Это который Гутцайт? – прищурилась Элька. – А Ива́нов – из того красивого дома в Ингрии?

– Ага, – кивнул я. – Они.

– Слу-у-ушай, а возьмешь меня с собой? – Она сложила руки умоляюще и глянула на меня своими глазами.

– О! – обрадовался я. – День перестает быть душным! Вечером погоним в Саарскую Мызу за посылкой! И пожрем у Гутцайта...

– Ну что значит «пожрем»? – обиделась она. – Я думала – свидание!

– Нет, Элька, ты просто пока не в курсе. Я закажу тебе библейскую похлебку, долму и сочни. И ты поймешь, что

значит «пожрем»! А свидание у нас будет потом, когда мы возьмем кофе и поднимемся на второй этаж!

– Ага! – кивнула она и счастливо заулыбалась. – А что мне надеть?

Умеют же девушки озадачить! Откуда мне знать, что ей надеть?

– Надевай что хочешь, все равно – зима на дворе, на «Козодое» не поедем. Пошли, сначала с алкагестом разберемся, а там что-нибудь придумаем... – потащил ее в сторону лаборатории я.

А она и не сопротивлялась.

Глава 2. Борщ из старого петуха

В мире, где правит магия, а в Хтони бегают существа, сама жизнь которых противоречит здравому смыслу, пытаться рационально объяснить некоторые вещи – дохлое занятие. Я все думал о произошедшем в Лукоморье, о том, как глупо попался Карлайл, о своей над ним победе... Абсурд, чистой воды абсурд!

Похоже – его появление в моей Библиотеке стало результатом срабатывания активной ментальной защиты, чем-то вроде мгновенной контратаки. Он планировал это заранее, как удар последнего шанса. Но при этом сюрпризом для упыря оказались мои методы взаимодействия с менталом и – мои особые отношения с книгами. Магия – это только на пятьдесят процентов наука. Вторая половина – это наитие, интуиция, воображение, что-то тонкое и неуловимое, не поддающееся логике сухих формул и графиков. Именно эта ее часть в мою пользу и сыграла.

Очень хотелось поговорить обо всем этом с кем-то умным и знающим, но Ян Амосович, кажется, избегал меня или просто был сильно занят, я никак не мог поймать его в кабинете без посторонних. Дед Костя – он даже попрощался со мной очень сухо, чем заставил задуматься о природе наших с ним отношений. Может быть – мое воспитание для него было просто отработкой долга, обязанностью, которую он на

себя взвалил? Самым подходящим кандидатом казался отец, но... Но мне все еще хотелось дать ему в морду. Хотя, конечно, тем, что мама – жива, он меня купил.

Признаться честно – сейчас я испытывал к нему чувство определенной благодарности: хотя бы за то, что он просто оставил меня в покое на некоторое время. Я был благодарен своему отцу, да. Человеку, который засрал мне всю жизнь.

Я бы не простил его, если бы он оказался каким-нибудь опричным полковником, не простил бы, если бы он был Юсуповым, Гагариным, Белозерским или каким угодно другим аристократом. Но Грозный – это Грозный. Это самая сложная работа в мире – быть Грозным в Государстве Российском. Я же не дурак – требовать от одного из четырех самых влиятельных людей на одной шестой части суши, чтобы он нянькался со мной, играл в солдатики и за ручку на аттракционы водил... Хотелось бы, конечно, детства, как в фильмах про счастливые семьи: чтоб хлеб на костре жарить вместе и засыпать под сказки на ночь, но – мир в принципе штука несправедливая. У кого-то отец – алкаш, у другого – умер, у третьего – многоженец, у четвертого – великий писатель, который срать хотел на все, кроме своих книжечек. Мой родитель еще не самый худший, получается. Заботился как мог, исходя из существующего положения дел. Пусть и чужими руками. В итоге-то я неплохо так устроился!

Грешно было жаловаться, сидя на заднем сиденье офигительного электрокара в обнимку с шикарной девушкой.

Нас с Элей от ворот колледжа забрали Цубербюлеры на представительном внедорожнике. Не «Урса», конечно, а «Илона» – но бизнес-класса, с климат-контролем, мониторами повсюду и встроенным массажером под каждым сиденьем. Элька тут же стала тыкать во все кнопки и теперь жмурилась и ежилась, подставляя спину разогретым до оптимальной температуры валикам внутри обивки.

– Я давно спросить хотел, – я взял ее ладошку в свою руку, – вот когда я тебе питахайю дарил – ты удивлялась, личи мы вместе кушали – для тебя это было в новинку, теперь ты от массажера балдеешь... Ты же дочка миллиардера! Ермолovy – это же ого-го! А ты вовсе никакая не изнеженная и не расфуфыренная, готовить умеешь, в походе не ноешь, с дробовиком обращаешься – загляденье...

– Сам ты зафуфы... нафуфы... Ай, ну тебя! – Она ткнула меня кулачком в плечо. – Ты же видел моего отца! Он выглядит как сумасшедший злодей-профессор из глупых фильмов не потому, что не может иначе, а потому, что хочет! У меня была комната с черными стенами, стол, стул, кровать, книжки и завтрак, обед, ужин по расписанию. И ни минутки свободного времени! Я никогда не чувствовала себя принцессой в сказочном замке, все больше – загнанной поняшкой... Уроки, индивидуальные занятия, танцы, боевая подготовка, постоянные переезды. Какая тут питахайя? Какие массажные кресла? Так что отстань и дай расслабиться. А лучше...

Кантемирова потянулась через меня, нажала на какие-то

кнопочки, валики заработали и внутри моего сиденья. Блин, это было и вправду классно! Я откинул голову и шумно выдохнул, чувствуя, как постепенно превращаюсь в желе.

– Аллес гут, йа? – обернулся и радостно оскалился бородатый Ганс Цубербюлер. – Это мы сами сделали, своими лапками! Мы с Фрицем! Юные фройляйн такое любят, йа-йа! Они потом очень добрые к таким работягам, как мы.

Эля подозрительно на него уставилась, но потом лениво отмахнулась и продолжила наслаждаться механическим массажем. А я по-новому взглянул на двух братьев-бизнесменов. С гномами всегда так – непонятно, сколько им лет. Вообще-то Фриц и Ганс, похоже, едва-едва вступили в возраст кхазадской зрелости, по человеческим меркам им было бы лет тридцать. А по фактическим, гномским – может быть, сорок? Они вообще чуть медленнее взрослеют, кхазады. Молодые мужики, в общем. Так почему бы им фигуристых фройляйн на тачке и не покатать?

– Это... – сказал второй брат – Фриц, который сидел за рулем. – Мин херц, я так понимаю, что Гутцайт будет тебе что-то предлагать. Мы хотим, чтобы ты знал: на кхазадов Ингерманландии ты можешь рассчитывать. Не только на Гутцайта.

Я вздохнул и выключил массажер. «Мин херц» – это они у Людвига Ароновича подхватили. Меня теперь все знакомые гномы так зовут.

– Значит, могу рассчитывать? – переспросил я. – И почему ты решил мне об этом заявить прямо сейчас?

– О! – Глаза кхзада в зеркале заднего вида прищурились.
– У меня есть наитие, что ты вырастешь в великого человека. Станешь личностью не меньшей величины, чем Сигурд Эрикович – среди кхзадов. Кажется, даже большей. Может быть, назначат тебя лет через десять замминистром или даже – министром... Ш-ш-ш-шайзе, то есть – думным дьяком! Или мэром Ингрии. Ш-ш-шайзе...

– Я понял. – Я пристукнул кулаком по переднему сиденью.
– Аронович напел?

– Ты – талантливый, предприимчивый, перспективный волшебник. Все знают, как ты орудовал в Ингрии во время Инцидента. И Титов – не настоящая твоя фамилия, всякий, кто поглядит в твои глаза, это поймет... Как я раньше не видел, а? Дас ист фантастиш...

Вот это я от него и хотел услышать. Отвод глаз начал слетать всерьез, и мне следовало озаботиться его обновлением – пусть и не таким мощным, как получилось у Кощея. Снова нужно было учиться.

За окном замелькали уютные дома и засыпанные снегом скверы Саарской Мызы. Впереди виднелась громада Публичного дома культуры. Фриц Цубербюлер аккуратно припарковал машину у входа, я покинул салон первым, обежал «Илону» с тыла и открыл дверцу Эле.

Когда Эльвира уже поставила ножку в отороченном мехом сапожке на заснеженный тротуар, над нашей головой с гулом турбин прошествовало звено дирижаблей, сверкающих ме-

таллическими бортами и искрящихся самоцветами.

– О! – сказал Ганс. – Демидовы полетели Нарышкиным мозги вправлять.

На крыльцо вышел Сигурд Эрикович Гутцайт, задумчиво провожая взглядом дирижабли.

– Надо с Витебском связаться, по поводу льна договориться. Чувствую, подскочит в цене, – сказал он. – Нарышкиным – конец. Аллес вирд бренне, аллес вирд зешторт. Нечего было яблочникам продаваться. Жалко льнозавода, правда. Лен – правильный материал...

Мы с Кантемировой переглянулись: вот и подтверждение догадкам Эльки! Гутцайт просто так про «яблочников» говорить бы не стал, не такой он мужик.

– Ну, пойдёмте, пойдёмте! – сделал гостеприимный жест «не такой мужик». – У нас тут уже и борщ поспел: из старого петуха с гречкой!

Эльвира умоляюще глянула на меня:

– Ты обещал долму! Я не хочу есть борщ с гречкой! Это какое-то извращение...

– Нет-нет-нет, фройляйн, у них тут потрясающие борщи! – принялись уверять Эльку Цубербюлеры. – Вчера у них был с медвежатиной и можжевельником, мы чуть бороды не сожрали! А извращение – это с вяленным инжиром, но тоже – вкусно, йа!

Из окна вдруг выглянула физиономия Людвиг Ароновича. Он скорчил рожу, а потом стал манить нас к себе: это

сломило волю девушки к сопротивлению, потому как Лейхенберга она любила искренне. И он Элю – тоже, даже звал ее внучкой. А раньше пенял мне, что я, мол, зря с Ермоловой связался! А как узнал Эльку поближе – так в любой спорной ситуации не сторону «мин херца» выбирал, а за «внучу» впрягался и конфетками ее подкармливал. Вот и доверьяй после этого старым друзьям... Переобулся в воздухе!

***

Стоило признать: борщ из старого петуха вышел офигенный. И пампушки с чесноком – просто объедение, и сметана – густейшая... Я подозревал, что это – особая гутцайтошная магия: превращать любой обед в обжираловку! Даже Элька сёрбала и вздыхала мечтательно. Раньше я за ней такого никогда не замечал.

– Михаил, можно вас на несколько минут? – привстал Сигурд Эрикович, и я тут же засобирался.

Он ко мне – со всем уважением, так что не вижу причин, почему я мог ему отказать. Я кивнул Эльке, и мы с кхазадом вышли из обеденного зала к лестнице, ведущей на второй этаж. Даже это чисто утилитарное пространство здесь было обставлено эклектично, но со вкусом: какие-то африканские маски, фигурки, мозаики, зеркала в золотых оправах – глаза разбегались от обилия любопытных и эстетичных деталей.

– Мин херц, – сказал Гутцайт. – Есть одна личная просьба. Понимаете, в последнее время у меня не жизнь, а светопреставление, множество мелких дел сыплются на меня как

из рога изобилия, и моя голова сильно болит. У меня мигрень, вот что. Как говорит мой доктор – на нервной почве... Таблетки я пить не хочу, к магам-целителям и тем более – к менталистам обращаться не могу. Пускать абы кого в свою голову в моем положении – смерти подобно. Но вечерами болит страшно, вот я и подумал...

– Вы НАСТОЛЬКО мне доверяете? – поразился я.

– О... – Гутцайт поскреб лысину пальцами, которые были унижены перстнями. – Да. Пожалуй – да. Вы ведь не станете болтать направо и налево... Да и куда не надо не полезете. Отзывы о ваших процедурах – самые положительные!

– Я согласен. Не сомневайтесь – буду исключительно деликатен. Поднимемся на второй этаж? Мне нужно, чтобы вы были совершенно расслаблены.

Мы поднялись по лестнице, оказавшись среди обширного пространства, которое Аронович в свое время обозвал «коровкингом». Люксовый такой коворкинг. Лепнина, зеленый бархат, иконы, картины, полки с книгами и произведениями искусства... Сигурд Эрикович подошел к большому секретеру, на котором стоял патефон, чем-то щелкнул, наложил пластинку, приладил иголку – торжественные аккорды загремели во всю мощь, Гутцайт уселся в одно из бархатных кресел и сказал:

– Приступайте.

Я встал за спинкой кресла, положил пальцы ему на виски и прикрыл глаза. Дверь была здесь: добротная, металличе-

ская, с медной кованой ручкой. Я потянул за нее – и подался вперед, шагая внутрь сознания великого кхзада.

И тут же рассмеялся: Чертоги Разума Гутцайта представляли собой не что иное, как Публичный дом культуры! Вот это да! Он в реальности создал себе точную копию своего внутреннего мира, или напротив – так свыкся со своей штаб-квартирой, что и память его визуализировалась таким занятным образом.

Действительно, тут, в этом самом ментальном коворкинге, царил завал: в отличие от материального прообраза, книги тут были навалены стопками на диванах, секретере, этажерках и на полу, бумаги заполнили собой все оставшиеся свободными поверхности, стулья валялись в беспорядке, на полу можно было увидеть мусор: обрывки, клочки, ошметки... Похоже, этот замечательный старик страшно задолбался!

Имелись здесь и откровенно пугающие моменты: например, целая полка с черными кожаными обложками фолиантов, под толстым бронированным стеклом, закрытом на два больших навесных замка. Или – явно оружейные сейфы, целых три, разных размеров, спрятанные в углу за роялем. Ничего подобного в Публичном доме культуры я не замечал, но – кто знает, что таят его чердак и подвалы? В любом случае – это меня не касалось. Лезть в эти закоулки разума и памяти старого кхзада – значило показать себя настоящей скотиной, и делать этого я никогда не стал бы.

Мне вдруг захотелось добавить происходящему кинематографичности, так что я картинно поднял руки над головой и дважды щелкнул пальцами: в этом не было никакой нужды, но выглядело стильно! Книжки тут же принялись выстраиваться стройными рядами на полках, мусор нещадно полетел за дверь – ничего не случится, это ведь не паутина и паразиты, цел будет Публичный дом культуры снаружи! Бумаги стали паковаться в выдвижные ящики, мебель затанцевала по всему ментальному коворкингу, располагаясь ровно в том порядке, в каком я видел ее пару минут назад в реальном мире. Да, здесь образовался некоторый бардак – но бардак деловой, а не всякая бредятина, с которой я сталкивался до этого, копаясь в мозгах больных, ущербных, пораженных зловредными зависимостями личностей. Гутцайт не сошел с ума, у него не завелся паразит, и не было у него никакого проклятья. Просто – задолбали дядьку! Бывает.

Закончив, я шагнул наружу и осознал себя все так же стоящим над Сигурдом Эриковичем. Он спал с совершенно безмятежным выражением лица, привольно раскинувшись в кресле. Я не стал его будить – спустился на первый этаж и пояснил чаевничающим кхзадам и Эльке:

– Отдыхает. Спустится скоро.

– Отдыхающий Гутцайт? – поднял бровь Лейхенберг. – Невероятно.

***

Я сломал старомодную сургучную печать, вскрыл кон-

верт, развернул хрусткий лист крафтовой бумаги и стал читать строчки, выведенные каллиграфическим, витиеватым почерком.

«Здравствуйте, дорогой Михаил. Хочу выразить вам глубокую признательность за то, что вы в свое время уделили мне внимание, и за то преобразование, которое в результате нашего общения со мной произошло. Могу сказать честно – я обрел себя! Пишу я вам с острова Капри – необыкновенного клочка суши, который давал в свое время приют многим выдающимся писателям, художникам, поэтам, музыкантам. Я заново открываю для себя мир, вижу дальние страны, о которых раньше только и мог, что мечтать, я даже начал писать! Не надеюсь превзойти своего славного предка, я тем не менее уверен: мои путевые заметки найдут своего читателя – и уже находят. У меня теперь есть свой блог, и я регулярно публикую там свои наблюдения и размышления. Десять тысяч подписчиков за два месяца – неплохой результат, он вдохновляет меня и заставляет двигаться дальше. Имеющееся состояние позволяет мне не заботиться о средствах для существования, так что я чувствую себя вполне свободно и так хорошо, как никогда раньше.»

Мне стало известно ваше горячее желание пожить в Ингрии, завести собственное дело, осесть. Всякий имеет на это право, точно так же, как всякий имеет право расширять свои горизонты и видеть мир во всем его многообразии. Вы подарили мне второе, я же – дарю вам первое. Небезыз-

вестный вам Сигурд Эрикович Гутцайт, весьма почтенный кхзад, является моим поверенным и уполномочен передать вам дарственную на мою недвижимость в Ингриши, в доме номер один по улице Тверской. Думаю, вам отрадно будет узнать, что помимо квартиры, в которой мы имели счастье видеться, и другие помещения в Башне принадлежат мне. Вы можете употребить все шесть этажей, мансарду и цокольные помещения так, как сочтете нужным. На данный момент их применение – суточная аренда, так что никаких неприятностей и тревожений по выселению жильцов или тяжб с предпринимателями у вас не предвидится. Не сомневайтесь – мое письмо составлено в трезвом уме и доброй памяти, я вполне отдаю себе отчет в своих действиях. Я дарю вам свою собственность, потому что вы подарили мне целый мир!

Искренне ваш – Всеслав Иванов».

– Офигеть, – сказал я, отрываясь от чтения письма. – Просто – офигеть! Это какой-то прикол? Он просто взял и подарил мне Башню? Так не бывает!

– Что значит – «прикол»? Никакой не прикол! – возмутился Гутцайт, который выглядел бодрым и отдохнувшим, хотя поспал там, наверху, в кресле всего четверть часа, не больше. – Написано же: Сигурд Эрикович – поверенный! С такими вещами не шутят, уж поверьте! Вот – дарственная, вот – все остальные документы на недвижимость, вам остается только подписи поставить... Эрика! Принеси мою пе-

чать, будь любезна! Я заверю. У меня есть аттестация нотариуса, все будет честь по чести!

Он достал из кармана связку ключей на массивном стальном кольце и швырнул мне. Я поймал их обеими руками и не знал, что с ними теперь делать.

– А в чем подвох? – Поверить в происходящее было невозможно, и потому тупил я страшно. – Чего я такого сделал-то?

– Он не понимает, майне херрен. – Сигурд Эрикович обвел взглядом сидящих за столом гномов. Они в ответ на его реплику тут же сделали снисходительные и сочувственные выражения своих бородатых лиц, чертовы артисты! – Михаил... Вот то, что вы сделали со мной там, наверху – за это можно какие угодно деньги отдать. Потому что мозг – главное оружие и инструмент всякого дельца, и вы делаете его максимально эффективным. Да я вообще припомнить не могу, когда за последние лет десять так четко мыслил и представлял себе, что и как нужно делать! А вы... Вы даже не поинтересовались оплатой!

– Так со своих же, как бы, ну... – Я даже растерялся.

– Со своих! – Он поднял указательный палец и радостно оскалился под седой бородой. – Считаю необходимым предупредить, Михаил: я склонен настаивать, что вам необходим помощник и наставник – в деловой сфере. Вы подпишете документы на владение недвижимостью, это – ценный актив. Предлагаю себя в качестве консультанта и поверенного в дальнейшем ее использовании. Безвозмездно, на бессроч-

ной основе. И отказа не приемлю. Тем более – у нас уже есть подобного рода опыт, пациентов я вам искал вполне успешно – и конфиденциально, прошу заметить!

Он встал со своего места и протянул мне свою лапищу.

– А я и не думаю отказываться! – Я мигом ухватил его за руку и потряс.

Такой союзник – это подарок небес!

– А поехали – посмотрим? – подала голос Эля.

Я точно знал, что она имеет в виду!

– А... А поехали! – Дурак я, что ли, «нет» говорить?

Глава 3. Жилищный вопрос

Цубербюлеры мигом заявили, что отвезут нас на место и потом докинут до колледжа, если только я пообещаю, что все строительно-монтажные работы, реставрацию и ремонт в Башне буду делать исключительно через них. А я-то что? Мне – не жалко. Я вообще пока находился в состоянии легкой прострации, потому как Башня на Тверской – это Башня на Тверской! Круче, наверное, было бы, только если бы мне кхазадскую кирху на Ваське подарили. А так я представить себе не мог ничего более идеального.

Я маг, и у меня будет своя Башня. О-фи-геть!

– Книжное ателье, – сказала Элька, ее мысли явно шли примерно в той же колее, что и у меня.

– Что? – удивился я. – В каком смысле? А! «Книжное ателье»? Ух! Классно звучит! Госпожа Кантемирова, определенно, прямо сейчас я предлагаю вам долю в деле и звание младшего партнера! Мне нужен трансфигуратор и трансмутатор! Мы будем реставрировать книги, и продавать их, и... И всё такое. И одеждой, если хочешь, тоже будем заниматься. Ты мечтала трансфигурировать платья? Почему бы и нет! На первом этаже организуем салон платьев, на втором – книжный магазин, на третьем – мастерская по ремонту книг, а на остальных будут жить всякие балбесы типа нас с тобой, ну и мы – тоже. Согласна?

– Я подумаю! – задрала нос она. А потом спросила: – Почему – младшего? Почему мы не можем быть просто партнерами?

– Так ты ж меня на полгода младше! – тут же нашелся я. Остальные доводы меня бы просто убили в итоге. А тут...

– Бе-бе-бе! – привела самый весомый аргумент Кантемирова.

Цубербюлеры перемигивались там, на передних сиденьях. А мы с Элей любовались в окна на Ингрию и не могли насмотреться.

Город залечил раны от недавнего Инцидента, и мне было радостно думать, что к этому приложил руки и я тоже. Все-таки ставить на место крыши – мой профиль! Сколько в таком быстром восстановлении заслуг принадлежало магии, а сколько – трудолюбию, упорству и страсти к прекрасному, которые были свойственны ингрийцам, сказать сложно. Однако покрытая белоснежным ковром, переливающаяся морем огней праздничной иллюминации Ингрия представляла собой настоящую рождественскую сказку. Светящиеся арки, гирлянды на деревьях и зданиях, лазерные проекции на дворцах, лучи прожекторов в небе... А еще – голограммы, магические светляки, дирижабли с габаритными огнями, заточенные в волшебные узилища элементали! Почти отсутствующий световой день этот необыкновенный город компенсировал сияющим многоцветьем искусственного происхождения, не желая сдаваться ночной тьме. И не сда-

вался! И побеждал.

– Мы что – правда будем здесь жить? – восхищенно спросила Эля и, взмахнув ресницами, глянула на меня.

– Очень бы этого хотелось, – кивнул я и сжал зубы.

Я легко мог это себе представить: окончим колледж, поженемся с Кантемировой, переедем на Тверскую, станем ходить по выставкам и театрам, вести дела – с душой и огоньком, потому как если книги – магические, то огонька будет много и интересностей всяких – через край. Где артефакты – там много денег и магии, а еще – тайны и приключения! И это не говоря о платьях! Золушки – они офигеть какие разные бывают, уверен – скучать не придется! Но вообще-то, если случится, что мой отец займет престол, то я почти наверняка поселюсь в Александровской слободе. Братьев-сестер у меня нет, так что...

Хоть мы и «федины», а я не просто «федин», а – Федин, и даже – Федорович, но мне почему-то очень не хотелось, чтобы он становился Государем. Мне хотелось просто пожить. Хотя бы несколько лет. Врубиться в жизнь, почувствовать себя человеком. Повзрослеть, да. И да, жениться на Эльке! Может, потом – дети там, не знаю. Страшно пока думать, но, в принципе, дети – сами по себе прикольные. И куча таких дочек, как Эля – это ж с ума сойти можно, в хорошем смысле! А пацана я бы драться научил. И на рыбалку бы ходили, и на аттракционы.

Вдоль ограды Таврического сада сновали роботы-убор-

щики, разгребая снег, пересвистываясь и перемигиваясь, а на земской стороне Шпалерной улицы матерились и дымили сигарками снага-дворники в оранжевых жилетках, отдыхая от тяжких трудов. Фриц Цубербюлер объехал бригаду зеленокожих, остановил машину на положенном расстоянии от перекрестка и заглушил мотор. Я открыл дверцу, вдохнул морозный воздух, вылез наружу и подал руку Эльке: она ерзала там по сиденью, чтобы выйти справа и не пугать водителей проезжающих мимо машин резко открывшимися дверями авто.

Делая галантный вид, я подал ей руку. И выглядит красиво, типа я такой молодец, и потрогать Эльку лишний раз – сплошное удовольствие. У меня, если честно, всякий раз, когда она на меня смотрела снизу вверх, широко открыв глаза и улыбаясь – дыхание в зобу спирало. Теперь – тоже.

– Мы здесь подождем, – сказал Ганс. – А вы осматривайте новые владения!

Я выдохнул целый клуб пара, шмыгнул носом, привыкая к морозному воздуху, поднял воротник и огляделся: звено боевых дронов маячило над дорогой, опричный броневик с тонированными стеклами был где ему и положено: метрах в двадцати от нас, у тротуара. Вот же у парней работа собачья... Кто там – Голицын? Оболенский? Барбашин? Нейдгардт? Гущенко с Ющенкой? Однозначно – кто-то знакомый, это тактика у них такая, чтобы в случае экстремальной ситуации мы от неожиданности не поубивали друг друга

– хотя бы одно примелькавшееся лицо меня стережет. Кофе им купить, что ли?

Вообще – странная идея: охранять двух без пяти минут великих магов. Ладно, допустим – потенциально великих, а нынче – молодых дурошлепов. Но если мы не справимся с напастью, то как опричники помогут? Там уж танковая дивизия нужна или команда мечты, как та, что на Лукоморье против Карлайла собралась. С другой стороны, у них – опыт. Часто решительность и опыт важнее силы, в этом я уже убедился.

– Пойдем? – Я взял Элю за руку.

Дверь парадного распахнулась нам навстречу, вывалилась шумная компания молодых ребят нашего возраста, может – на пару лет старше. Они смеялись, толкались, тащили какие-то сумки... Девушки были ярко покрашены, парни – в легком подпитии. Похоже – у кого-то была классная туса! Та самая суточная аренда, о которой говорил Иванов?

Мы поднимались по лестнице, и я смотрел на нее по-новому, по-хозяйски, уже мысленно прикидывая, какие плиты на ступенях стоит поменять и где шлифануть перила. А потом глянул на Эльку: она здесь никогда не была и сейчас чувствовала то, что и я в первый раз: восторг. Стены – с лепниной! На потолке – фрески! Двери – резные, ручки – литые, с завитушками и мордами чудищ! Дворец, а не подъезд!

С некоторым благоговением я сунул ключ в замок квартиры Иванова, повернул, но... Он не поворачивался! Дверь

оказалась уже открыта!

– Там кто-то есть, – сказал я и тут же моргнул, переключаясь на эфирное зрение.

Из карманов моих штанов, подцепленные телекинезом, появились стальные шарики, закружились в хороводе вокруг нас. Короткой формулой я поставил перед собой универсальный щит. Элька зажгла светляк. Мы переглянулись, девушка взялась за ручку – и резким движением распахнула дверь!

– Входите, чада Божии, входите... – Этот звучный голос я слышал один раз в жизни, но запомнил его очень хорошо.

– Отец Аристарх? – удивился я.

Действительно – это был он. Размахивая широкими руками черной рясы, как большая птица – крыльями, игумен перемещался по квартире с серебряной чашей и чем-то вроде кисти в руках, окроплял святой водой углы комнат и речитативом продолжал произносить прерванную нами молитву:

– ...от всякого зла невредимыми сохрани, благословляя их и это жилище, и в безопасности их жизнь всегда сохраняй, изобильно все блага Твои им Твоим благословением на пользу подавая...

Мы в нерешительности замерли. Священник явно знал, что делал: у него и свечи были наготове, и какие-то наклейки с крестами, и масло... Отец Аристарх проводил обряд очень артистично и торжественно, его музыкальный баритон гремел, а эфир... Эфира я не чувствовал! И шарики металличе-

ские давно у меня в кармане лежали, и светляк Элькин погас. Дела-а-а-а! Мы закрыли за собой дверь, да так и стояли в коридорчике. Големов, кстати, не наблюдалось, и никаких других предметов быта – тоже. Только стены и мебель. Похоже, свою коллекцию редкостей хозяин забрал с собой. Ну и ладно! И так грех жаловаться.

Например, мебель – это хорошо, мебель у Иванова была крутая, эстетичная. Массив! Политура! Опять же – завитушки всякие.

– ...о сохранении их от голода, мора, землетрясения, наводнения, огня, меча и нашествия иноплеменников, и всякого смертоносного поражения, и о даровании им здоровья, и об ограждении их долгоденствием... – продолжал Аристарх.

Я уже понял, что он делает – квартиру освящает. Но не за этим же сюда пришел духовник Государя? Хотя, учитывая мой новый статус, который для служителя Божия, похоже, не был секретом и раньше, – может, и за этим.

– Михаил, вы в полной мере доверяете этой девице? – поинтересовался игумен Александро-Невской лавры, закончив с положенными для этого случая обрядами.

– Доверяю, как себе, – заявил я. – Если она меня предаст, то можно сразу сдохнуть.

– Миха-а-а-а-а! – ткнула меня в бок Элька.

Аристарх вздохнул и принялся складывать предметы церковного обихода в большой кожаный кофр.

– Михаил, – сказал он. – Скоро вас позовут в Алексан-

дровскую слободу. И у меня будет к вам большая просьба...

– Очень внимательно слушаю. – Я замер и вытянулся в струнку, как сурикат. Вот оно!

– Попросите Феодора Иоанновича показать вам Государя. Посмотрите на него... По-своему. Вы знаете, что я имею в виду. Просто – посмотрите. И подумайте. Не хочу навязывать вам никаких решений – Господь управит. Вы – хороший человек, Михаил, и сможете понять, что именно стоит предпринять. – Отец Аристарх внимательно посмотрел мне в глаза, кивнул и засобирился. – Ну... Квартирку я вам освятил, после бывшего хозяина это было очень даже необходимо, потому как самый страшный грех в христианстве какой? Пра-а-авильно – уныние! Тут даже стены им пропитались. Вы от этой напасти господина Иванова излечили, это – дело богоугодное, а я – тоже сделал что мог, теперь место это чистое, дышится тут легко!

Он двинулся к дверям и, отворяя их богатырским жестом, провозгласил:

– С миром изыдем!

Шаги игумена гулко загрохотали по лестнице, удаляясь.

– Это что – Гутцайт спелся с церковью? – задала очевидный вопрос Элька.

– Все страньше и страньше! – сказал я, цитируя известную авалонскую сказку, потому что ничего более подходящего мне в голову не приходило.

***

Мы побродили по огромной шестикомнатной квартире, поигрались с крутящимися выключателями света, помучили фортепиано, пустили воду во впечатляющих размеров ванной и остановились у окна, вид из которого был просто невероятным: ингрийские заснеженные крыши, городская иллюминация, огромная луна в небе.

– Гляди! – вскрикнула Эля и указала куда-то пальчиком.

По заснеженной крыше со стороны Смольного сломя голову мчался человек в длинном пальто. Он бежал, спотыкаясь, падая, поднимаясь и продолжая движение со всей скоростью, на какую только был способен. Красный шарф вился за ним, одежда его дымилась... Мужчина лет сорока, с окровавленным лицом и слипшимися от пота волосами, ниспадавшими на глаза и лоб – я рассмотрел его в деталях.

Его преследовали: четверо молодых людей в архаичных ферязях с непокрытыми головами едва ли не летели над крышами, атакуя беглеца молниями из магических жезлов в руках. Черный орел с рогом, булавой и крестом на гербах, вышитых на их одежде, ясно давали понять – перед нами люди Одоевских, сильного клана аэромантов.

– Открывай, Миха! Открывай! Это дядя Паша Гагарин! – чуть ли не подпрыгнула Кантемирова.

– Дурдом, – сказал я и кинулся к окну. А потом уточнил на всякий случай: – Хороший человек?

– Коньки мне подарил на десять лет! Очень хороший! – заверила Эльвира. – Скорей давай, скорей!

– Готовь щит, – кивнул я.

Открыть окно – секундное дело для телекинетика. Если не дергаться и не суетиться.

– *Universalis scutum contra aerem!* – прозвенел голос Кантемировой, и эфир структурировался, создавая мощную защитную сферу, которая радужным маревом зависла вокруг верхних этажей башни. Девушка высунулась в окно и закрычала своему знакомому: – Дядя Паша, это я – Эля! Это я!

Ухватить незнакомого Гагарина за одежду, прорвав последние крохи магической защиты, и втащить в квартиру – заняло три секунды.

Дядя Паша очевидно специализировался на геомантии. По крайней мере, классическая Каменная Кожа на его лице и руках говорила сама за себя. Если бы не она – его бы уже поджарили, а так – пострадала только одежда.

– Эльвира? – Он явно был ошарашен и пытался понять, что происходит. Но все-таки поспешил нас предупредить: – Одоевские!

– Пусть попробуют! – Я нахмурился и сунул руки в карманы.

Через окно навстречу преследователям Гагарина вылетели поочередно фортепиано, комод, секретер, письменный стол и целая стая стульев. Следом за ними проследовали вазы и тумбочки. Преследователи замерли, явно обескураженные такой демонстрацией силы. Я уже видел: ни одного полноценного мага среди них не было, одни пустоцветы, хотя

и увешанные артефактами и амулетами, как рождественская елка – игрушками.

– Япона мать, – сказал один из четверых, небритый красивый парень с русыми волосами. – Вы кто такие?

– О, можешь посмотреть в эфир, – откликнулся я. – Тебе понравится. Но как минимум я – хозяин этой квартиры, и Павел Гагарин на данный момент находится под моей защитой. Достаточная информация для начала.

– Два мага второго порядка, – констатировала девушка с толстенной косой, которая выбивалась из-под дорожкой меховой шапки. – Защита – танком не пробьешь. А блондинчик – телекинетик. Гляди, как он роялем вальсирует... Влегкую!

– Я и крышей повальсировать могу, – усмехнулся я. – Давайте разойдемся краями? Тут – сервитутная территория, вам ловить нечего. Я в своем праве – если жажну, мало не покажется.

– Как звать тебя, юноша? – прищурившись, спросил чернобородый молодой мужчина лихого вида. – Дерзкий ты и в чужие дела любишь нос совать...

– Миха, – сказал я и поклонился. – К вашим услугам.

– Миша – еле дыша, – ухмыльнулся он и сразу стал мне противен. – Безродный, что ли?

– СЛОВО И ДЕЛО ГОСУДАРЕВО!!!

Раздался рев турбин конвертоплана, плотные снопы света из прожекторов заплясали по крышам, опричники одновременно вломились в двери квартиры и высадились на крышу,

грохоча рифлеными подошвами ботинок и тыча в Одоевских оружием.

Я и глазом моргнуть не успел, так они ловко сработали!

– С-с-с-скотство, я же говорила: переть за ним в сервитут – плохая идея! – ругнулась девушка.

– Господа, господа! – Я повысил голос, обращаясь к монстрам в бронескафандрах. – Ничего не случилось, у нас тут обмен любезностями! Эти достойные воины из клана Одоевских сопроводили моего личного гостя – Павла Гагарина – до моей квартиры и уже уходят. Все верно?

Одоевские мрачно переглянулись, и девушка (видимо, она была у преследователей за главную) сказала:

– Верно. Мы увлеклись немного, побегали по крышам... Хотели сопроводить как можно быстрее... – Она покосилась сначала на стволы автоматов Татаринова, потом – на матовые черные стекла забрал опричных шлемов и, наконец, на меня.

Внезапно ее зрачки расширились: она увидела мои глаза. Зелено-голубая гетерохромия плюс явные фамильные черты, которые без отвода глаз только слепой не заметил бы – все это породило в ее голове осознание. Она сделала довольно изящный книксен, махнула рукой другим клановым и пошла прочь по крыше. Люди Одоевских последовали за ней.

– Вы точно знаете, что делаете? – спросил из-под шлема Барбашин, провожая поворотом головы уходящих пустоцветов.

Вот кто дежурил в машине сегодня – князь Владимир!

– Это Павел Гагарин. Он Эльке коньки на десятилетие подарил. Хороший человек, – развел руками я. – Извините за беспокойство, князь. Вы не переживайте за нас так сильно, можете кофе взять – тут за углом пекарня есть, польская. «Булька пшеш бибулька» называется, или типа того, у них печенюшки вкусные...

– Обожаю, ять, поляков! – раздался хриплый голос из-под одного из шлемов, и опричники заржали.

– Ладно, пойдем за кофе. – Барбашинское забрало раздвинулось, и я увидел ухмыляющуюся княжескую физиономию. – И за булками и бибулками. Полчаса ничего не устраивай, ладно?

– Ага, – сказал я. – Постараюсь. – И принялся расставлять летающую мебель по местам.

Представляю себе мордашки тех паненок в булочной, когда к ним дюжина демонов с собачьими головами и метлами на скафандрах заявится и затребует кофе! Это будет восторг, точно.

Как только опричники ушли, мы усадили Гагарина в кресло, и Элька предложила:

– Давай качнем ему немного маны? А то он совсем плохой.

У нашего нежданного гостя наблюдалось явное магическое истощение: он был пустоцветом и держал Каменную Кожу и универсальный щит на бегу – это не шутки! В общем, если уж решил кого-то спасти, так надо делать это до конца:

мы взяли за руки, положили ладони на плечи и качнули. Ага, опять поработали батарейками. Скорее даже – аккумуляторами. Два начинающих великих мага – это ого-го! Гагарина от нашего подарка аж подкинуло, он вскочил на ноги и с ошалелым видом трусцой пробежался по комнате туда-сюда, от окна к дверям и обратно.

– Так-так-так! – сказал он и снова немного пробежался. – Так-так-так! Ничего себе вы меня зарядили! Спасибо, Эльвира! Это что – Лев Давыдыч решил меня прикрыть? Гагарины нынче не очень с Ермоловыми ладят... Странно, странно... А вы, молодой человек – наверное, Рикович?

– Титов, – сказал я.

– А я – Кантемирова, – в тон мне проговорила Эля.

– Ничего не понимаю, – округлил глаза Гагарин. – Ну да ладно. Уверен – вы скажете, что здесь очутились случайно?

– Хороший вопрос. – Мы переглянулись. – А расскажете, чего по крышам-то бежали и что клановые маги забыли на земской и сервитутной территории?

– Так это ж нынче обычное дело! – удивился он. – Вы что – новости не смотрите?

– Последние пару недель как-то не очень... – призналась Эля. – Мы в Васюгане были, на практике...

– Ах, на практике? Ну, тогда давайте я вам расскажу! Есть что-нибудь попить? – Этот Гагарин был вроде бы на самом деле неплохим человеком, но каким-то слегка суетливым.

– А давайте в этой самой «Бульке» чего-нибудь закажем

тоже? – обрадовалась Кантемирова. – И отпразднуем новоселье!

– Давайте, – кивнул я, полез за телефоном и через пару секунд уже набирал Барбашина. – Князь? Слушайте, а можете и нам три кофе взять, не в службу, а в дружбу? И чего-нибудь пожевать, поплотнее? Я из окна выгляну – подниму телекинезом, ладно?

Краем уха я услышал, как Гагарин говорит Эльке:

– Это твой парень? Внушает уважение, знаешь ли! Понятия не имею, почему он – Титов, но тот факт, что князя ему кофе заказывают, кое о чем говорит!

Глава 4. Апперкот

На самом деле Гагарин ничего такого нового не рассказал. Просто – обобщил и так ставшие очевидными вещи и явления, в богохранимом Отечестве происходящие.

Схлестнулись две партии – «димина» и «васина». Гагарины принадлежали ко второй: представители этого клана нередко служили по гражданской части, нередко – в приказе Большой Казны или по дипломатической линии, что сближало их со сферой ответственности царевича Василия.

Одоевские – военная косточка, их младшие сыновья делали карьеру на офицерских должностях в армии, не забывая об интересах клана. Воинственные аэроманты принадлежали к партии «ястребов» в Госсовете, почти всегда голосовали за жесткую линию в политике и силовые методы решения внешнеполитических вопросов. Они искали только повода и на любом светском мероприятии старались выловить и примерно наказать «гражданских штафинок». Так что эпизод, который мы увидели на крыше, был всего лишь маленькой частью большого дурдома.

Аристократы сводили счеты и не особенно при этом церемонились с сервитутными или земскими территориями, особенно в таких лоскутных городах, как Ингрия или Минск. Попутные жертвы и разрушения множились. Сервитутный свирепый народ брался за оружие, выставлял патрули, вво-

дил пропускной режим. Снова ошестинился винтовками Васильевский остров, снова на осадное положение перешел Грибанал. А сколько таких Грибаналов по стране? Но сервитуты – это сервитуты, они вечно бурлят и готовы показать зубы при любой опасности.

Земщина пока терпела, раскачивалась, цивилизные писали жалобы и собирали подписи для подачи петиций в Государственную Думу, депутаты произносили гневные речи о разгуле магов и необходимости навести порядок.

Павел Гагарин был на удивление благоразумным человеком, да и весь их клан тоже. Они не хотели раскачивать лодку, но иногда кто-то другой эту лодку может просто поднять и жахнуть тебе по голове – и тут сразу же начинает работать извечный закон: бей или беги!

Гагарин выбрал бежать и в ситуации «пятеро против одного» – был однозначно прав.

– Не стоит злить земщину, – сказал он перед тем, как мы расстались. – Их – сто пятьдесят миллионов. Клань думают, что вернулись в старые добрые времена, и очень ошибаются...

Проблема была в том, что петиции читать нынче оказалось некому. Цесаревичи были заняты – все трое. Василий убыл в Германскую Конфедерацию заключать экономический договор о поставках ресурсов, Дмитрий руководил учениями на границе с чжурчжэнями – за Амуром, в Маньчжурии снова заметили японских эмиссаров. Досужий народ в

этом тоже видел знаки: мол, Василий – «западник», а Дмитрий планирует разворот внешней политики и военной активности на Восток.

«Федина» партия в конфликт напрямую не вмешивалась, сторонники младшего царевича делали свои дела на своих местах и выжидали. Ни Воронцов, ни Ермолов-старший, ни тот же Пепеляев (который, как я внезапно выяснил, тоже являлся землевладельцем не из последних и весьма значимой общественной фигурой в Великом Княжестве Белорусском, Ливонском и Жемойтском) – никто из них своего мнения о происходящем не высказывал и публично не выступал. А Федор не появлялся на публике уже несколько дней. Никто не знал, чем занят младший царевич.

А я – знал.

Государственная машина продолжала работать: милиция-полиция-жандармерия ловили преступников, опричники-пограничники блюли границы, учителя – учили, врачи – лечили, чиновники – управляли. Но – с оглядкой. Потому что здесь и сейчас сила была за магами, и они потихоньку теряли берега, почуяв, что вожжи держать некому.

Это все, конечно, тревожило и напрягало многих. «Народ волнуется!» – так, кажется, было у Пушкина. Да и я волновался, если честно. Например, потому, что встречи в рамках регулярного чемпионата по русской стенке временно были прекращены. Никаких выездов, никаких драк, никакого «сектора»! Все расстроились, да, но я – особенно. Фиг его

знает, может, принцам драться перед зрителями – неместно? Может, как выпущусь – меня в Грановитой палате на золотую цепь посадят и будут международным делегациям показывать?

Страшно подумать – если отец станет Государем, я буду **ЕДИНСТВЕННЫМ** наследником. Это какая-то дичь, если честно.

Всю жизнь жить как принц мне не улыбалось, и поэтому я с удвоенной силой ударился в учебу. Особенно зверски мучил основы менталистики, набрал кучу книг в библиотеке и валялся с ними на кровати, сканируя взглядом страницы и пытаюсь повторять магические техники. Может – иницируюсь вторым порядком, может – нет, но отвод глаз мне был нужен как воздух! Пока получалось поставить самую слабую из его версий, которая действовала что-то около часа, и постоянно подновлять ее на переменах. Потому что одно дело – часы на стене, а другое – живой человек!

Потому-то те, кто общался со мной более плотно, например – Руари Тинголов или Мих-Мих – нет-нет да и спрашивали:

– Ты что – постригся по-другому? Похож на кого-то стал... На Корнилу Дозловского, что ли?

Популярный, кстати, актер. По телику как раз сериал с ним шел – не то «Капибара», не то «Куркума» – про Восстание Пустоцветов и плохих вампиров, которые заповолонили высшее общество. Очень злободневно! Но суть-то не в

«Капибаре!» Суть в том, что если каждый встречный-поперечный станет узнавать во мне кровь Иоанна Грозного – это здорово добавит проблем! Если ты Рюрикович – то нынче не в фаворе, после раскрытия заговора и массовых чисток. Если из Грозных – то еще хуже, так что выбор был очевиден. торчать в кампусе, учиться, вешать на себя отвод глаз и сдавать кровь. Потому что увидеть маму я очень хотел.

Интервал между донациями удалось уменьшить до трех дней – Боткина сжалилась надо мной и набодяжила какой-то хитрый эликсир. На вкус он напоминал томатный сок и по консистенции был похожим, но об ингредиентах я предпочитал не спрашивать. Да и не ответила бы целительница, это как пить дать. В любом случае – время ожидания сокращалось. Но вообще история с мамой меня заедала здорово, я понятия не имел: как мы встретимся, что будет, когда она очнется?

Конечно – у меня была Элька. Не представляю, что бы я без нее делал? Она часто зависала у нас в комнате – не до ночи, конечно, а в рамках приличия. Играли в настолки с пацанами, кино смотрели – с тем же Дозловским, к занятиям готовились.

А потом я провожал ее до девчачьей общаги, которая так и осталась в стиле барокко, никто ее не переделывал. И мы до одури целовались на крыльце и не могли разойтись. Потом спать было вообще невозможно, и меня жутко бесила вся эта общажная система и необходимость прятаться по уг-

лам и сваливать на свидания в Ингрию по выходным. При том, что все всё знали! Нет, оно понятно: дай студентам волю – вообще дурдом начнется. Но лично в моем случае... И вправду жениться, что ли?

Не, ну а что? Государи Российские и вообще – Грозные уже лет двести почти не практикуют браки с иностранками, потому как дипломатической выгоды от этого по факту – ноль, и, скажем, галльская или сиамская принцесса на троне вовсе не гарантирует союз или хотя бы нейтралитет этой страны. С точки зрения генетического разнообразия – так у нас тут одна шестая часть суши, на секундочку: есть Багратионы, есть Нахичеванские, есть Радзивиллы, Маннергеймы, Заславские, Воротынские, Нарышкины и Гагарины, и кто угодно еще. Блондинки, брюнетки, рыженькие, Темные, Светлые, Огненные, Боевые и Водяные. А у меня вот Кантемирова будет, урожденная Ермолова! И пусть скажут, что недостойна, их Лев Давыдович на атомы расщепит, а я эти атомы в район предела Кеплера закину при помощи телекинеза.

Даже абстрагируясь от того, что я в Эльку дико влюблен, нет ни одного аргумента против! Она настоящая красавица, а народ очень любит красавиц. Она – трансмутатор и трансфигуратор страшной силы, так что вопросов ни у кого к предрасположенности детей к овладению даром не возникнет. Она Ермолова – то есть прирожденная аристократка, и вместе с тем – не Темная, и это тоже хорошо, потому как

против Темных у народа справедливое предубеждение...

Определенно, нужно было с этим вопросом что-то решать!

***

– Подраслабился, – сказал Мих-Мих и швырнул в меня перчатки. – Закончил разминку? Теперь у тебя спарринги.

Я поймал их – одну за другой – и принялся надевать, оглядываясь.

– Так нет же никого в зале! – Кулачка была отличным способом сбросить напряжение, так что я сбегал сюда, пока Эля была на танцах или на своих семинарах по трансфигурации.

К нам какой-то титулованный кхзад из Железноводска приехал, вел двухнедельный спецкурс по академической трансфигурации, вот Кантемирова и не пропускала ни одного занятия. Я думаю – это специально из-за нее Ян Амосович этого херра пригласил. Херр Беркенбош хоть и картавил безбожно, но в предмете шарил будь здоров, даром что сам – пустоцвет-геомант. У Эльки с ее синдромом отличницы просто не было шансов упустить такую возможность!

– У вас пятнадцать минут, – сказал Мих-Мих кому-то. – Я как раз схожу ведомость заполню. Смотрите, аккуратно.

Скрипнула и хлопнула дверь, и за моей спиной послышались шаги. Я обернулся и сказал:

– Офигеть.

– Здравствуй, сын. – Федор Иванович – в майке-борцовке, черных опричных штанах и каких-то странных мокасинах

натягивал перчатки. – Ты вроде как в морду мне дать хотел...

– А откуда...

– Менталисты мы! – Он обнажил белые зубы в улыбке, и я увидел, что в целом мой отец выглядит теперь гораздо свежее, чем несколько дней назад.

Не на двадцать пять лет, конечно, но на классные тридцать – вполне. Никакой черноты под глазами, аккуратная стрижка, приличная борода, подтянутое тело... Хотя он вроде всегда был атлетом и бойцом что надо, судя по воспоминаниям, которые мне в башку транслировала Конская Голова.

– Вам Голова привет передавала. – Я никак не мог определиться, как мне к нему обращаться. – Клялась в вечной любви к хозяину и мечтала о новом лошадином туловище, обязательно кобылячем, благородных кровей.

– Кха-а-а! – Цесаревич подавился смехом, а потом сказал: – Ты кулаком мне по роже заехать хотел или с ноги? Не то чтобы я мечтал подставляться, но правила спарринга можно скорректировать.

Мне стало неловко. Все-таки бить батьку ногами по лицу – как-то неприлично. Одно дело – хороший удар кулаком справа в челюсть. Или – слева. Это благородно, это по-мужски. А другое – кедами в физиономию тыкать. Есть в этом что-то такое неинтересное и скучное.

– Три раунда по минуте на кулаках? – предложил я, хотя мне было чертовски стремно. Это ж не студенты из русской стенки, это – взрослый матерый мужик! Я видел, как он во-

юет – это ж страх Господень! – Ну, чтобы темпа движухи не терять. Можно и по две минуты, но я, если честно, уже успел задолбаться, буду потом ходить по рингу как инвалид, высунав язык на плечо.

– Ну, давай – три по минуте... Если дело в движухе! – пожал плечами Федор Иванович. – Движуха – наше всё! Пошли в ринг.

Мы перелезли через канаты, цесаревич вдохнул – и сквозь эфир я увидел, как мана вливается ему в рот и нос. Странное зрелище!

– Sexaginta secundis comitem est, – буднично проговорил он, и в воздухе над нашими головами сформировался циферблат секундомера ровно на шестьдесят секунд. Увидев мой удивленный взгляд, он сказал: – Визуализация. Для менталиста – техника проще пареной репы. Научу потом. Бой!

И бросился в атаку!

Определенно – мой отец был не дурак подраться! Потрясающая скорость, отличная работа ногами, реакция – круче, чем у Мих-Миха! Несмотря на все мои серии и на взвинченный темп – он в этом раунде уверенно держал первенство. А все – из-за этой удивительной подвижности! Хрен попадешь!

«Борис-хрен-попадешь» – почему-то всплыло в голове, и я пропустил крепкий удар в скулу. На сей раз Король подсунулся не вовремя, я ведь почти раскусил цесаревича! Что-то в его манере боя было слегка странное, какой-то изъян, который вполне мог привести меня к исполнению детского

желания – дать папаше в морду!

«ВРЕМЯ!» – грубым голосом сказал будильник, и мы отпрянули друг от друга.

– Лезешь на рожон, – констатировал Федор Иванович после того, как завел будильник на две минуты перерыва. – Ставишь все на атаку. Опрометчиво! Береженого Бог бережет...

– Береженого Бог бережет, а казака сабля стережет, – парировал я, и тут у меня в голове стрикнуло: я понял, что не так было с отцовской манерой ведения боя! Но виду не подал, а сказал уверенно: – В следующем раунде посмотрим. Исходя из моего небольшого опыта – если целую минуту непрерывно бить человека, ему становится очень плохо. Поэтому ставка на одну длинную атаку чаще всего оправдана, главное – держать темп и не выдохнуться раньше времени. Кстати! У нас тут чемпионат по русской стенке накрылся... Из-за вашей политики...

– Из-за НАШЕЙ политики, – перебил меня отец. – Привыкай смотреть на вещи под таким углом. Тебе не удастся отсидеться, может быть – не сейчас, но спустя время придется разделить груз ответственности...

– Я согласен лет через пятнадцать-двадцать стать наместником Ингрии, – тут же выпалил я, офигевая от собственной наглости. – Но подучиться надо, поднатореть в бизнесе, пообщаться с народом, вообще – врубиться в жизнь. Раз такое дело – придется, наверное, заочно в Северо-Западный

институт управления поступать после колледжа.

– Почему – заочно? – поинтересовался он.

– Потому что мы с Элькой бизнес открываем, – пояснил я. – Книжное ателье!

– Какое-какое ателье?..

«ВРЕ-Е-Е-Е-ЕМЯ-А-А-А!» – высоким женским контральто пропел будильник.

Мы разошлись в разные углы ринга и замерли.

– Готов? – спросил отец.

– Поехали! – кивнул я и ринулся вперед.

Мне нужен был клинч! Я не привык к ближней дистанции, но он не был готов к этому еще сильнее. Царевич по праву мог считаться отличным воином и очень хорошим фехтовальщиком, и вот в этом и заключалась его проблема! Он не привык драться без оружия, он фехтовал своими кулаками, как будто это были две короткие рапиры или – стилеты. И точка фокуса у него всегда находилась чуть впереди, как будто на острие клинка, а не у костяшек пальцев!

Я поймал крепкий удар по ребрам и еще один – в ухо, аж в голове зазвенело, но потом – поднырнул под руку, прошел в самую душу, оказался близко-близко к царевичу и, чуть приподнявшись на носочках, вlepил ему апперкот в бороду!

Клац! Рот Федора Ивановича с шумом захлопнулся, он пошатнулся и сделал несколько шагов назад, явно находясь в состоянии нокдауна.

А потом восстановил равновесие, уперся руками в колени

и сплюнул кровь на ринг.

– Шабака, – проговорил он, мотая головой. – Я прикушил язык!

– Блин! – расстроился я. – Третьего раунда не будет?

– Ну ты пших, шынок! – снова сплюнул Поликлиников. – Дай желье, оно в шумке!

А я просто подошел к нему, снимая на ходу перчатки, взял за предплечье – и качнул ему немного жизненной энергии.

– Опа! – сказал он и посмотрел мне прямо в глаза.

Зрачки его были расширены, на лице застыло выражение искреннего изумления.

– Не мана? Жизнь? Мне? – Федор Иванович прищурился.

– Вы ж отец мой, – пожал плечами я, стараясь делать бра-
вый вид. – Получше многих, между прочим. Я ж понимаю. Не совсем ведь дурак, хотя местами и обидно было, и злость одолевала. Я и сейчас бешусь, но толку-то с этого? Тем бо-
лее – вам, наверное, нужно будет делать официальное заяв-
ление. С прокушенным языком – неудобно.

– Какое заявление? – Он вылез из ринга, сходил за бумаж-
ными полотенцами в тренерскую, вернулся и вытер кровь.

И заработал этим тысячу очков в моем личном рейтинге. Нормальный дядька мой отец! С пониманием! А что виви-
секцией людей пользуется – так это, наверное, издержки про-
фессии. Цесаревич – очень нервная работа.

– Ну, перед Госдумой, когда они петицию подадут... – Я пошел попить водички, пытаюсь выставить все таким обра-

зом, будто сказал это так, между делом.

– Петицию, значит?

– Ага. О произволе магов и повсеместном создании добровольных народных дружин. – Я снова присосался к бутылке.

– Думаешь? – Он подошел ко мне и попросил: – Дай и мне попить. А то ранка зажила, теперь – сушит.

– Ага. Вышемирский прецедент не так давно случился, глядишь – народ за оружие возьмется... – Я смотрел, как отец пьет – залпом, большими глотками. Капли текли у него по рыжей бороде. – Тут один умный человек недавно напомнил, что земских у нас – сто пятьдесят миллионов. Добавь сюда сервитуты – совсем страшно получится. Магия, конечно, сила, но на практике проверено: длинная очередь из ручного пулемета вполне заменяет файербол.

– Да ты, я гляжу, подготовился! – Кажется, в голосе Федора Ивановича прозвучали нотки восхищения. – Знал, что я приду?

– Не-а. Не готовился. Есть у меня одна беда: что думаю, то и говорю, – признался я. – Нарезаю порой отборную дичь. Ничего с собой поделатать не могу! Потом, правда, прилетает иногда, разбираться приходится... А про Вышемир я все почитал, когда узнал, что наш общий знакомый – дракон, – оказывается, тот еще помещик!

– Не помещик он. Оставил в своей юридике земские порядки, даже земского предводителя менять не стал. Там у

него такой идеалист работает, что ужас один! Я его в Ученую Стражу сманивал, не поверишь – отказался! Пепеляев фанат от педагогики, ему с остальным возиться не с руки. Он полномочия делегирует так, что обзавидуешься! Доверяет людям, понимаешь? Ну, и кое-кому из нелюдей – тоже.

– А вы? – заинтересовался я.

– А мы – менталисты. – Он развел руками в картинном жесте. – С нашей стороны людям доверять было бы антинаучно.

И сразу же засобирался: вытерся полотенцем, сложил вещи в сумку, подошел к двери, но на прощанье обернулся:

– Как думаешь, на первый раз отцовско-сыновьего общения хватит? Понятия не имею, как это делается, если честно.

– Да и я как-то не очень представляю, как правильно с родителями общаться... – пожал плечами я. – А деретесь классно. Мне понравилось.

Конечно, мне не понравилось! Он набил меня прямо сильно, у меня вся морда теперь болела и ребра! Но я бы ему это не сказал ни за какие коврижки. Нужно было держать марку.

– Думаю, организуем вашему курсу поездку в Александровскую слободу на следующей неделе, а? – оглянулся Федор Иванович. – Как тебе мысль? Там и встретимся. Все-таки я – шеф вашего колледжа, так что можно устроить...

– Давайте – как кровь досдам? – предложил я. – Нормально будет.

– Договорились! – Он тронул мое плечо и вышел из зала.

А я пошел допивать воду. Душу мне грела мысль о том, что по роже я ему все-таки съездил.

Глава 5. На экскурсию

Электробус с полусотней студентов – это то еще злчное местечко! От Пеллы до Александровской слободы – 760 километров, и каким бы комфортабельным он ни был, шесть или семь часов в дороге, в замкнутом пространстве кому угодно крышу набекрень сдвинут. Так что атмосфера в салоне царила, мягко говоря, специфическая.

Руари, который уже неплохо научился контролировать свой необычный дар, взял с собой гитару, и теперь на задних сиденьях развернулся импровизированный концерт по заявкам: «Мурка», «Цыганочка», «Яхта, парус» и куча песен из репертуара величайшей звезды всех времен и народов – Тилля Бернеса – звучали в исполнении эльфа одинаково гармонично. И где только нахватался? Эльф – и «Мурка»! Подумать только!

– ...кольца и браслеты разве ж я тебе не покупал?! – вопрошал Руари своим волшебным голосом на заднем сиденье.

Воровская история в его исполнении походила на куртуазную балладу века эдак шестнадцатого. И никто не рыдал и не хохотал в голос – эльф подпускал магии в музыку дозированно, так что хотелось подпевать и веселиться, а не разбивать голову о стенку. Впрок идет учение в колледже лесному уникаму!

Авигдор отбивал такт на своем чемоданчике, и получа-

лось у кхзада, прямо скажем, неплохо. В чувстве ритма бакенбардистому крепышу не откажешь! Он один из всех взял с собой чемоданчик – деревянный, со стальными уголками. Остальные довольствовались рюкзаками и небольшими сумками с необходимым минимумом вещей – не на год же едем, всего две ночевки! Багаж лежал частью на полках сверху, частью – тонким слоем на полу автобуса, путаясь под ногами и создавая бесчисленные поводы для препирательств и шуток – это как водится.

На сиденьях слева от меня пацаны что-то постоянно ели, шурша упаковками и пшикая банками с газировкой и энергетиками. Вокруг них разносился сытный аромат приправ и канцерогенов, аж в глазах щипало. Работал телевизор – там показывали сериал про небритого пустоцвета средних лет, у которого имелся странный дар: нюх! Он своим носом что только не выделявал, покруче, чем полицейские собаки! Работал на Сыскной приказ и вылавливал всяких мерзавцев, вынюхивал, как положено.

Я смотрел краем глаза, не очень внимательно – меня больше Элька интересовала, чем кино. Девушка устроила кудрявую голову на моих коленях, ноги по своему обыкновению закинула высоко вверх, упираясь в небольшой промежуток между двумя окнами, и читала книжку про маньяков. Книжка называлась «Странная Соня Бриллиантова», и там рассказывалось, как все всех похищали, держали взаперти годами и забеременевали в принудительном порядке. А потом

у жертв случался гельсингфорский синдром и любовь с ма-
няком. Полная жесьть!

– Ты зачем это читаешь? – спросил я. – Кошмар же!

Книжка была в мягкой обложке, со страницами из газет-
ной бумаги, которые на ходу отклеивались и вываливались.

– Кошмар, – призналась она и положила книгу себе на ли-
цо. Голос ее прозвучал глуховато: – Но оно, знаешь... Я ко-
гда почитаю, какие у них там ужасы творятся, так сразу те-
бя любить сильнее начинаю. Вот эта книжка, потом еще –
«Чайки Авроры», «Снаружи убийцы», «Вдоль по лестнице
пошел», «Людное место»... После них как-то все происходя-
щее вокруг кажется вполне нормальным, не таким и стрем-
ным!

– Ты чего – все это прочитала? – удивился я.

– О! А давай ты тоже читаешь, и мы будем бояться
вместе? – предложила она. – Вместе бояться веселее!

Я подозрительно на нее посмотрел:

– Ты что – тоже смотрела старые мультики? Мне баба Ва-
ся других в детстве не показывала, говорила – современная
мультиндустрия для неразвитой психики смерти подобна. У
меня вообще доступ к телевизору был ограничен.

– Смотрела! – Элька убрала от лица книгу и взглянула на
меня из-под пушистых ресниц. – Так что – будешь читать?
«Чайки Авроры» – самая клевая, по ней еще сериал сняли...

– Э-э-э-э... Ну, ладно... – согласился я.

В конце концов, не все же Транквилла, Сенеку и всяких

прочих Парацельсов мучить? Современной литературе тоже нужно давать шанс!

Счастливая и довольная, Элька продолжила чтение, поудобнее устроив голову у меня на коленях. Ее вовсе не смущали стесненные обстоятельства, она чувствовала себя вполне комфортно на автобусном сиденье.

Я ехал и думал: процентов шестьдесят из моих однокурсников там, за пределами колледжа, передвигались по стране на машинах премиум-класса или в частных самолетах, конвертопланах, а то и вовсе – на стратосферниках. А мы тут вот тряслись вместе с кучей «безродных» в электробусе! Смотрели про этого «Нюхателя», пели под гитару, толпились у туалета во время остановок на зарядных станциях... Немножко реальной жизни для золотой молодежи – это то что доктор прописал. А точнее – то, что прописал один помешанный на педагогике дракон и его прекрасная жена. Правильным путем идет отечественное образование, однозначно!

– Остановка через десять минут! – крикнул Ян Амосович.

Он вместе с нами поехал, как сопровождающий. А еще – Борис Борисович и Кузевичи, оба. Там норма какая-то существовала, что-то вроде один педагог на двенадцать учащихся, я в эти дебри не лез особо. Кроме преподавов, из совсем взрослых в салоне находился только водитель – интересный такой кхазад по имени Дитрих и по фамилии Каценкрацен. На приборной панели в специальных кронштейнах у

него хранилась секира. Обычно шоферы там собачек с мотающимися головами цепляют, иконки или стеклянные фиговины, а у этого – секира! Этот самый Дитрих пробурчал что-то одобрителное на реплику директора и снова склонился над рулем, перестраиваясь в крайнюю полосу, чтобы удобнее было свернуть на стоянку.

Все зашевелились, принялись искать затерявшуюся под сиденьями обувь, распутывать куртки и пальто на вешалках и обсуждать, какой еще гастрятины купят в магазинчике на зарядной станции. Судя по разговорам – чипсы ожидал геноцид. Мы проехали село с интересным названием Яжелбицы и уже приближались к Валдаю, но в сам город Ян Амосович заезжать не хотел. Мол, пусть живет земство спокойно, без нашего дуроватого присутствия.

– На зарядочной негаторы наденьте, – сказал Полуэктов.
– Нечего народ пугать.

Студенты начали вздыхать, но колечки наподобие тех, что у нас с негаторной практики остались, на пальцы надели. И я – тоже. Классно, когда у колледжа шеф – царевич, да? Такие подгоны, как это колечко – воистину царский подарок!

***

Когда мы заезжали на парковку у автозарядочной станции, в небесах послышались рев и шум крыльев и прямо перед автобусом на асфальт стали приземляться грифоны. Зрелище уникальное, грифоны вообще – химера редкая, так что все прильнули к окнам, а водитель заорал:

– Зие зенд унвершимт, флигинде гаунар! Я ж чуть в вас не вцепился, а? У меня полный автобус пассажиров, вы что творите?!

– Кто говно? Да сам ты – говно, коротышка херов! – слышался ответный возглас. – Подвиньтесь, земские черти, или сдайте назад! Подождете, пока Лупандины изволят кофею откушать, а-ха-ха-ха-ха!!!

Расхохотались они хором, даже их ездовые монстры издавали какие-то звуки, явно демонстрируя хорошее настроение.

– Лупандины – химерологи, – сказала Эля, глядя в окно. – Так себе, средненький клан. Но зверушки у них получаются серьезные. Глянь, какие классные грифоны – прямо как у них на гербе! Красивые.

Перепалка меж тем продолжалась, гном уже потянулся за секирой, дворяне на химерах обступили автобус, грозя водителю всеми карами небесными за грубость и наглость. На площадку у зарядных точек высыпали посетители, персонал станции, водители припаркованных машин. Еще бы – такое зрелище! Кто-то уже снимал происходящее на камеры смартфонов: тут были не только земские жители, хватало и сервитутских – трасса-то оживленная!

– А давайте-ка, ребята, мы сейчас все выйдем из автобуса, – встал со своего места Ян Амосович, расправляя складки костюма. – Негаторы пока не снимайте. Друг мой Дитрих, открой-ка нам двери!

И мы пошли наружу, покидая салон через обе двери, двумя потоками. Полсотни юношей и девушек во главе с четырьмя преподавателями, каждый из которых мог бы снести с лица земли эту заправку щелчком пальцев, выходили на улицу, жмурясь от яркого снега, вдыхая морозный воздух, с интересом разглядывая грифонов и аристократов. Шутки, прибаутки, хиханьки и хаханьки – этот неприменный атрибут студенческой толкучки – тут же возникли сами собой.

– Это чего? – Лупандинский заводила смотрел на нас сверху вниз, из седла это было удобно. – Что за детский сад на выгуле?

Его грифон расправил крылья, раззявил клювоподобную пасть, издавая агрессивный клекот.

– Господа, – сказал Ян Амосович, остановившись в полуметре от страшного зверя и со скучным выражением лица глядя на клановых всадников. – Господа, вы, кажется, забыли, где находитесь.

– Ты ничего не путаешь, старик? Это ты забыл, где находишься! – прорычал Лупандин – разбойного вида брюнет лет тридцати пяти. – Тут вокруг трассы на многие километры окрест – наша сила и наша земля!

Полуэктов и сам был под воздействием негатора и потому с виду казался обычным преподавателем или ученым, максимум – чиновником средней руки. Штука была в том, что все это было правдой, но составляло только малую часть всей картины. Наш директор – многогранная личность!

– Здесь не Речь Посполитая, – все тем же ровным тоном проговорил Ян Амосович. – Здесь не Османская Порта. Не Авалон! Вы в Государстве Российском, господа! Проявите уважение к законам и правилам, здесь установленным.

– Да что ты такое, мать твою, несешь? – удивился уже другой химеролог, горяча своего чудовищного скакуна. – Придержи язык, старик!

– Это ты придержи язык, свинья, пока я не вызвал тебя на дуэль и не смешал твой прах с дерьмом этого петушиного кошака! – вдруг рявкнул Ян Амосович.

Он и без магии мог произвести впечатление.

– Да кто ты, мать твою, такой? – удивился Лупандин.

– А ну-ка, ребята, снимите негаторы, – повернулся к нам Полуэктов, и мы сделали это.

И он сделал это тоже. Эфир забурился, захлебнувшись страшной силой, которой шибануло от всех нас. Я вдруг отчетливо осознал, какая это мощь – наш колледж! Я понял, почему к магическим заведениям всегда было такое пристальное внимание. Мы ведь все были волшебниками, кто-то первой, кто-то – второй ступени, но... Пятьдесят магов разной специализации, готовые постоять друг за друга, и из них – как минимум десяток полноценных, всамделишных, а это, я вам скажу, куда круче любых, даже самых страшных монстров.

– Доктор магических наук, кандидат педагогических наук, профессор, член-корреспондент Московской академии,

кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» с бантом, кавалер ордена Святого Георгия третьей степени, энергет вне категорий, директор собственного его высочества цесаревича Федора Иоанновича экспериментального Пеллинского колледжа прикладной магии Ян Амосович Полуэктов – вот кто я, мать твою, такой! – прогремел этот великий старик так, что грифоны поджали хвосты. – А это – мои ребята. Так что засунь свой поганый язык себе в глотку и соблюдай правила дорожного движения, будь любезен. Они кровью написаны! Гужевой транспорт тоже в них учтен, вам следует изучить их прежде, чем садиться в седло... Давай, Дитрих, паркуйся.

Наездники грифонов попятились, переговариваясь между собой. Борис Борисович громко, во весь голос, спросил:

– А можно я этого дефективного на дуэль вызову, если вы не стали? – И кровожадно погладил свою лысину.

– Борис Борисович, – укоризненно проговорил Ян Амосович. – Вы всерьез хотите оказать достопочтенным работникам зарядной станции такую медвежью услугу? Пепла и костей будет многовато, отскребать их с асфальта – удовольствие сомнительное...

Пиромант с сожалением вздохнул, огонь в его глазах погас, и руки от лысины он убрал. Директор подумал еще немного и сказал:

– Я поясню кое-что для вас, ребята, потому что эти детишки на грифонах уже неисправимы. Слушайте внимательно-

но, вы должны хорошенько запомнить этот случай, поскольку и сами можете оказаться в такой ситуации. – Ян Амосович сделал широкий жест, обведя рукой все вокруг – от зарядочной станции до самого горизонта. – В нашем богохранимом отечестве дела обстоят таким образом, что есть ненулевая вероятность встретить на парковке посреди Валдайской возвышенности самый обычный земский электробус, набитый волшебниками. Или – увидеть трехголового дракона у школьной доски, настоящего князя среди орды оборванных орков, и даже с глубоким удивлением распознать царевича в том чудаче, который в грязном белом халате пьет чай с печеньем «Рапсодия» в замызганной кафешке. Не стоит думать, что, напялив на себя серебряный кафтан с гербом и усевшись на дурацкого кошака с крыльями и клювом, ты априори самый крутой и тебе все можно, о нет! Здесь, на нашей Родине, часто все не то, чем кажется. Так что – к черту спесь и предрассудки: великий волшебник перед вами или обычный уборщик – если вы будете вежливыми и тактичными, это нисколько вам не повредит. Понятно?

– Да-а-а-а, Ян Амосович... – нестройно протянули мы.

– А вы чего тут зависли? – удивился директор, глядя на Лупандиных, чьи грифоны мялись неподалеку. – Дуйте отсюда, пока я не передумал!

– Значит, вы – «федины», – сквозь зубы проговорил их вожак. – Что ж, запомним!

И дернул за поводья своей ездовой химеры, издал стран-

ный горловой звук, повинувшись которому все крылатые всадники сорвались с места, подняв настоящую пургу. И скрылись в небесах!

– Чур, я первый! – заорал Адашев и рванул к туалету, безбожно расталкивая товарищей.

И все загомонили и ломанулись к павильону зарядочной станции, туда, где маняще расположились на витрине вожде-ленные чипсы и банки-бутылки с газировкой, пахло кофе и пирожками. А я стоял с непокрытой головой, провожая взглядом удаляющиеся точки грифонных всадников. Странная ситуация, странная встреча... Неужели аристократы и вправду не понимают, какую яму себе роют? Сначала – Одовские, теперь – Лупандины, наверняка по стране – многие и многие десятки подобных инцидентов... Чудовищная провокация? Но ради чего? Чтобы – что? Или и вправду – обнаглели, и пора бы опричникам засучить рукава, пока не начался русский бунт, бессмысленный и беспощадный?

Был и еще один интересный момент: это что получается – Полуэктов и Поликлиников в кафе «Альфа» познакомились, прямо там, в Пелле? По крайней мере, шоколадную «Рапсодию» там точно с чаем подают.

– Михаил, – Полуэктов сам подошел ко мне, видимо, приняв какое-то решение, – как я понимаю, ты уже знаешь о своем происхождении?

Он удачно воспользовался моментом: народ взял в осаду магазинчик и туалет, водитель отогнал электробус на пар-

ковку, мы остались одни на площадке.

– Ага, – сказал я. – Повидались с отцом на негаторной практике, да и в колледж он заглядывал. Маму вот-вот надеюсь тоже увидеть.

– Я и подумать не мог, – признался Ян Амосович. – Думал – кто-то из Рюриковичей или из самых-самых. Воронцов, Демидов, Юсупов... При том, что мы несколько раз виделись с твоим родителем, но он всегда был под личиной.

– Он ко мне в детстве тоже так являлся. А Воронцов – мой крестный, – кивнул я. – Отвод глаз – страшная штука. Знаете, я ведь сам как дурачок ходил, у меня все перед носом было, очевидные вещи! Но когда я задавал себе и окружающим правильные вопросы – появлялась тысяча причин, чтобы на них не отвечать. Гетерохромия? Бывает! Федорович? Ну, в конце-то концов, мало ли Федоров... Двойная ини...

Тут я заткнулся. И посмотрел на директора. Тот поднял бровь: он все понял. И понял, что я понял, что он понял.

– Ладно тебе, – вздохнул Полуэктов. – Я чувствовал твою предрасположенность к менталистике, но думал, что тут все в рамках нормы. Знаешь – бывает, что маг сам, например, светлый, но и огненные техники из академической магии у него хорошо получаются. Склонность! Если бы не этот самый отвод глаз – я бы все понял. Кто его ставил – твой отец?

– Иголкин, – ответил я. – Если бы отец – это было бы слишком очевидно. Его братья могли бы распознать, да мало ли кто еще? Ведь у каждого мага свой почерк, верно?

– Иголкин... Бессмертный? Этот может. Тебе бы менталиста хорошего найти, в наставники – может, и второй порядок бы получил, а? – глянул на меня Полуэктов. – Телекинез – это власть над предметами, а менталистика... Сам понимаешь!

Я все понимал. Менталистика – самая страшная магия из всех, даже хуже тьмы и некромантии.

– Есть кто-то на примете? – в лоб спросил я. – У меня – только книжки. Ну, еще – отец и Иголкин, но они меня учить не будут, я уверен. Не знаю, какие на то у них причины, но хотели бы учить – уже учили бы. Цесаревич точно знает о моем втором даре, но не торопится что-либо по этому поводу предпринимать.

– Могу позвонить Риковичу, – моментально ответил Полуэктов. – Он вообще-то мой ученик – тоже в Пелле учился в свое время, только мы тогда не подшефным заведением были, а попроще намного.

– Иван Иванович? – удивился я. – Из Сыскного приказа? Он же легенда! Наверное, график у него сумасшедший, да?

– Да, – сказал Ян Амосович. – Но пару часов в неделю выкроит. В конце концов – у нас стационарный телепорт в главном корпусе зачем стоит?

– Действительно, – вытаращился я. – А так можно?

– В твоем случае, думаю, можно, – кивнул директор. – И вообще – это общеупотребительная практика, мы приглашаем преподавателей на договорной основе и платим неплохо.

А фонды наши полны как никогда, с чего бы это, а? Хе-хе!

– Если что – мне какое-то особенное отношение не нужно, наоборот даже! – Я сунул руки в карманы и разглядывал ботинки. – Мне и так всё нравилось, я вообще-то...

– ...Отвод глаз на себя ставишь, чтобы друзья не узнали о твоём происхождении? Ну и зря! – отрубил Полуэктов – От Ермоловой, то есть Кантемировой – тоже скрываешься?

– Не-е-ет, от Эльки – нет! – запротестовал я. – Она первая узнала!

– Ну и от ребят не прячься. Они с тобой общались и дружили, пока ты был Титовым, никому не известным пустоцветом-телекинетиком. Если сейчас испугаются – то грош цена таким друзьям. Или ты думаешь, если я Борису Борисовичу скажу, кто твой отец – он тебя дрючить перестанет?

– О нет! – не удержал нервный смешок я. – Скорее – удвоит свои усилия! Будет меня нахлобучивать со страшной силой и ответственностью! Я ж взвою и на пиромантию и артефакторику вообще ходить перестану! Не говорите ему, пожалуйста, а?

– А-ха-ха, у меня теперь есть рычаг давления на тебя, так и знай, – погрозил мне пальцем директор. – А Риковичу я прямо сейчас позвоню. Иди давай, покупай свои чипсы, или что там... Не отрывайся от коллектива, высочество!

И я побежал в магазин.

Глава 6. Александровская Слобода

Александровская слобода представляла собой причудливый сплав футуристической опричной архитектуры с типичным «кремлевским» антуражем. Конструкции из стекла, металла, светящихся мультимедийных панелей, голограмм, лазерной подсветки и прочие ультрасовременные веяния соседствовали здесь с золотыми «луковками», килевидными арками, восьмигранными каменными шатрами, причелинами, лемехами и всем, что умники-искусствоведы называли псевдорусским, русским или неорусским стилем, под настроение, но в народе, увидев у возводимого здания эти хорошо знакомые детали – «как из сказки про царя Салтана» – тут же говорили: «по-кремлевски строят».

Мы подъезжали к Государевой резиденции ночью и потому смогли рассмотреть ее во всем сверкающем зимнем великолепии – солнечный свет был заменен искусственным и придавал Александровской слободе еще больше нуарного, таинственного блеска. Шел снег, яркая неоновая подсветка и лазерные лучи проекций причудливо играли в ночном небе, затейливая архитектура церквей, дворцов и теремов на фоне матерого милитаризма опричных укреплений, турелей и боевых машин создавали очень странное, ни с чем не сравнимое впечатление: этот город точно никогда не забудешь, даже если очень сильно захочешь!

Удалось нам увидеть и туристический фетиш: развод караула. Закованные в черную броню опричники элитного Слободского полка чеканным шагом занимали посты у ворот столичного города-крепости. Наверняка и внутри, в самой Цитадели, происходило то же самое – маршировали коробки псов государевых, лязгали траки тяжелой техники... По зимнему времени, правда, туристов не наблюдалось, это летом они тут толпились сотнями и тысячами, фоткаясь на фоне великанов в черной броне.

– Собирайте вещи, ребята, мы почти приехали. Ночуем в хостеле, а утром – экскурсия! – сказала Анастасия Юрьевна.

– А селить будут мальчик-девочка? – как можно более будничным тоном спросил Басманов.

Пацаны заржали, девчата зашикали, Ян Амосович повысил голос:

– Это хостел, а не пятизвездочный отель! Один блок для парней, второй – для девчат, третий – для преподавателей. Увижу, что кто-то не спит, а занимается ерундой – попрошу Бориса Борисовича нагрузить вас работой.

– У нас как раз методика гравировки по Бенвенуто Челлини зависла, – многообещающим тоном проговорил пиромант-артефактор. – Он по слоновой кости, правда, резал, а мы на ногтях пальцев ног потренируемся.

– Фу! – фыркнула Элька.

Угроза подействовала. Бориса Борисовича привыкли воспринимать всерьез, с него бы случилось – усадить всех в ря-

док вдоль стеночки в коридорчике и начать учить узорчики на ногтях резать при помощи концентрированного и узконаправленного повышения температуры. Как лупой выжигать, но магией. Кто промазал и попал по коже вместо ногтя – тот идиот. Кто спалил себе ногу – тоже!

Через огромную черную арку ворот мы заехали за периметр стен, окружающих Александровскую слободу. Опричник на шлагбауме даже заходить в салон не стал – ему было достаточно переглянуться с Яном Амосовичем, чтобы признать, что мы – свои, и необходимый уровень допуска имеется. Да и к чему визуальный осмотр, когда каждый чуял мощное воздействие сканирующих артефактов. Сколько нас, кто мы – по полу, возрасту и уровню владения магией, какие волшебные вещи с собой везем и какие заклинания наложены – думаю, все это уже было известно охране Государевой резиденции. Даже, наверное, все данные из медкарты и все родственники до седьмого колена. Мне стало смешно: я вожусь тут с дурацким отводом глаз, а эти мои усилия такому магоборудованию – как семечки.

Электробус, ведомый Дитрихом Каценкрацем, свернул в туннель, заехал на подземную парковку, развернулся и остановился.

– Выходим, выходим! Ждем сопровождающего!

Мы выбрались из салона, разминали ноги, оглядывали бетонное подземелье. Забавно: стены тут были расписаны яркими граффити, изображающими красоты родной земли.

Ленские столбы, вулканы Камчатки, Эльбрус, бескрайние степи, Ледовитый океан и все такое прочее, красивое и величественное.

– Здравствуйте, дорогие гости Александровской слободы, моя фамилия Шеогоратский, и я буду вашим гидом. – К нам подошел стройный голубоглазый мужчина неопределенного возраста, его лицо просто сияло радушием и гостеприимством.

Наверное, так и должны выглядеть гиды, но... Этот конкретный тип гидом точно не был. То есть – может, и был, но это явно не могло считаться его основной профессией. И опричный комбез без знаков различия, с бейджиком на груди на это никак повлиять не мог.

– Зараза, – процедил я.

– Что такое? – дернула меня за палец Элька.

– Потом расскажу. Странные дела творятся!

Я пялился на «гида» во все глаза и не знал, что мне делать и к кому обращаться. Это ведь был он, тот самый гитарист! Скоморох! Я смотрел на него, он – на меня, мы улыбались друг другу. Цирковой ассасин казался очень уверенным в себе! Что значила вся эта дичь? Он работает на отца? Он – вражеский шпион? Он действует в своих интересах? Что делать мне?

– Господа, дамы... Проходим за мной! – Шеогоратский совершенно ничего не боялся, вел нас сначала по подземной парковке, под камерами, потом – по каким-то узким переул-

кам, минуя несколько постов с опричниками, которым махал приветливо, как старым знакомым.

Не забывал он и про свои обязанности гида:

– ...кладка восемнадцатого века! Этот квартал заложен при государыне Ирине Великой. Хотя она и предпочитала Ингерманландию, где проживала в своей резиденции недалеко от Саарской Мызы, но оставила по себе память и в Александровской слободе. Взгляните, какие интересные контрфорсы – каждый из них украшен барельефами с изображениями любимых домашних питомцев государыни. Например, по ее заказу из Авалона доставили пару бармглотов и одного брандашмыга, которые содержались в Слободском химерарии, вы его завтра посмотрите... – трепался скоморох как по писаному! Как будто учился на историческом факультете, а не слежкой, заказными убийствами и диверсиями промышлял.

Кладка тут, может, была и восемнадцатого века, но капитальный ремонт проводили совсем недавно. В двадцать первом столетии – точно. К подсветке, например, подходили с выдумкой: тут даже дорожки сияли диодными полосками вдоль бордюров! Окна, двери и системы безопасности старых двух- и трехэтажных особняков на вид казались супертехнологичными. Присмотревшись, я понял: уютные картины, которые мы видели якобы за стеклами, типа горящего камина, архаичного интерьера, кошки на столе и занавесочек – все это на самом деле оказалось трансляциями, которые де-

монстрировались на экранах! Жильцы домов Александровской слободы или учреждения, которые здесь располагались, были надежно защищены от постороннего внимания.

Один из таких домов – монументальный, с толстыми стенами и розовой подсветкой – стал конечным пунктом нашего маршрута.

– Проходим, не стесняемся. Мальчики налево, девочки – направо, преподаватели – прямо, – продолжал источать дружелюбие Шеогоротский. Или как его там?

Препоручив размещение девушек невесть откуда взявшейся немолодой уже горничной, сам он отправился с нами – показывать блок. Тут имелось три комнаты – примерно на шесть-восемь мест каждая – и коридорчик с диванчиком. Из коридорчика двери вели кроме комнат также в санузел на три кабинки и душевую – тоже на троих. Все было чисто, опрятно, но без какого-то особого шика. Аккуратненько.

Гид стал читать список с фамилиями и тыкать пальцем в кровати – двухъярусные, кстати. Давно не видал двухъярусных кроватей. Но эти выглядели неплохо, и матрасы у них были мягкие, удобные.

– Адашев, Басманов, Бёземюллер... – И продолжил в следующей комнате, и в третьей тоже, называя моих однокурсников в алфавитном порядке... И закончил: – Тинголов!

Я смотрел на него со злостью. Кроватей больше не было. Я остался без койки!

– Титов, – проговорил он. – Титов остался. Ай-яй-яй...

Какая досада! Титов, вы не против лечь на диванчике в коридорчике?

– Я не против лечь на диванчике в коридорчике, – прорычал я.

Этот скоморох издевался надо мной! И что мне делать? Звонить Барбашину? Сообщить Яну Амосовичу? Не буду ли я выглядеть идиотом? В конце концов – здесь Александровская слобода, тут даже тараканы наверняка имеют звание и носят на хитине метлу и собачью голову! А горничная – так и подавно. И что, типа скоморох «из первой сотни», как сказал когда-то Иванов, что бы это ни значило, тусит тут просто так, сам по себе? Ни за что не поверю.

– Вот и чудненько, – обрадовался Шеогоротский. – Горячий обед доставят в контейнерах, потому как по позднему времени столовая уже не работает, а в ресторациях места бронировать нужно. Оставлю вас, господа, и пойду схожу к вашим преподавателям, может, им одеялки нужны.

И ушел.

– Какой-то шустрила, – сказал Бёземюллер. – Не нравится он мне. Подозрительно выглядит!

– Ага, – сказал я. – С ним надо держать ухо востро.

Но, если честно, ни фига мы не держали ухо востро. Нам принесли плов по-ордынски, желтый, жирный, с кучей мяса, овощей и сухофруктов – просто пицца богов после бесконечных чипсов и газировки! Пацаны набросились на него, как полосатый жук на картошку, и сожрали весь, и высыпали по-

следние рисинки себе в рот, и запили очень сладким чаем.

– Кто как – а я спать! – сказал бдительный гном и секунд через десять уже сопел на втором этаже кровати.

До душа добрались только аккуратист Серебряный и еще Тинголов – он эльф, ему положено. Ну и я – мне ж недалеко, я на диванчике, грех не сходить, к тому же лишние пять минут сна погоды не сделают, а вот душ – это после многочасовой дороги то что доктор прописал. Кстати – я впервые увидел специальные одноразовые тюбики с шампунем, зубной пастой и гелем для душа! И одноразовые зубные щетки на прозрачных ручках. Ну, как – одноразовые? Это кем-то другим считалось, что одноразовые. Настоящему студенту такая щетка может прослужить не один месяц! Но в целом – гигиенических принадлежностей нам отсыпали вдоволь, хоть тут не пожадничали. И полотенца выделили. Всем одинаковые – серого мышинного цвета, но приятные на ощупь и чистые.

После душа я себя чувствовал если не заново родившимся, то посвежевшим – точно. Пацаны ушли по комнатам, я развалился на диванчике и подумал, что неплохо устроился: тут, по крайней мере, никто духоту не создавал, запахи не распространял и с разговорами не лез. И диван был довольно удобный, надо сказать... Конечно, с Элькой под боком стало бы совсем хорошо, но – мечты, мечты...

Один раз в дверь нашего блока заглянул Иван Ярославович, кивнул мне – и больше не показывался. Тихо – и ладно! Пацаны и вправду спали как младенцы, скорее всего –

вымотались из-за долгой дороги.

А потом из душевой вышел тот самый скоморох! Я аж офигел от таких раскладов: откуда он там взялся вообще? Не было там никакого скомороха, и мимо меня никто не проходил – я же не совсем дурак! Ну да, есть заклинания невидимости, но поглядывать еще и сквозь эфир периодически – это вошло у меня в привычку за почти год, прошедший после первой инициации. А всякое – ну, или почти всякое – магическое воздействие на мир вызывает возмущения в эфире. Короче – я бы наверняка хоть что-то заметил!

– Вставай, пошли! – сказал голубоглазый. – Его высочество зовет.

– С фига ли я должен тебе верить? – спросил я. – Откуда мне знать, что ты не шпион рептилоидов?

– *«Умой меня, причеши меня*

И на берег положи меня!

Чтобы те, кто проходит мимо...

Меня посчитали красивой!» – пропел он. Все-таки скоморох классно пел, голос у него был приятный. – Не знаю, что символизирует этот бред, но мне сообщили, что после этих слов ты точно пойдешь за мной. А еще попросили сказать, что кровь доставили. И я тоже понятия не имею, что это значит.

– Ага, – сказал я. – Понял.

И стал одеваться. Сунул ноги в штаны и ботинки, ухватился за куртку, но был остановлен жестом Шеогоратского –

мол, не нужна верхняя одежда. Так и остался – в футболке, рубашке и джинсах. Ну и двинул за скоморохом – в душевую. А тот, как в худших фильмах, одновременно нажал на пару плиток, которые находились друг от друга на расстоянии вытянутых рук, и часть стены подалась куда-то вглубь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.